

ИННА ШЕРЕМЕТЕВА

ГРОМОВ

МАСКА ПОТРОШИТЕЛЯ

ТОМ 2

18+

Инна Шереметева

Громов. Маска

потрошителя. Том 2

<https://litres.ru/74356824>

SelfPub; 2026

Аннотация

1860-е годы. Спустя десять лет после смерти первой жены, Громов привозит в своё поместье ослепительную Саломею Дадияни, дочь знатного грузинского тавади. Но блестящий союз оборачивается чередой катастроф. Когда Москва содрогается от кровавых бесчинств неуловимой «Маски», личная трагедия Громовых сплетается в один узел с криминальной хроникой империи. Похищение рокового конверта с уликами, вероломный побег к русско-персидской границе и вмешательство легендарного сыщика Путилина запускают цепную реакцию, которая неизбежно ведёт героев к роковой черте. «Громов. Маска потрошителя» — это глубокое погружение в тайны человеческого сознания, где каждому герою предстоит заглянуть в собственную бездну и лицом к лицу столкнуться с монстром, скрывающимся у всех на виду.

Содержание

Часть III: Крах иллюзий	4
Сусанна	4
Нелли	17
Пигаль	41
Путилин	50
Маска	56
Француженка	71
Душегуб	89
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Инна Шереметева Громов. Маска потрошителя. Том 2

Часть III: Крах иллюзий

Сусанна

В тесном дворе лупанария собралась большая толпа. Жандармы, прикрикивая, теснили любопытных от места трагедии. Сусанна, растрёпанная и напуганная, стояла возле дверей парадной и тёрла ладонями щёки.

Она смотрела на всех распахнутыми, полными ужаса глазами и беспрестанно что-то шептала, раскачиваясь из стороны в сторону.

Савелий втёрся в толпу и, проталкиваясь через плотные ряды, вытягивал шею, силясь увидеть тело. Хотя он истово молился на бегу по дороге из трактира, чуда не произошло.

С ужасом и мукой он смотрел на Полину, распростёртую на снегу. Нагая, наспех прикрытая чьим-то пальто, девушка лежала в неестественной позе, будто сломанная кукла с вывернутыми под невыносимым углом конечностями, на кото-

рых багровели синяки и кровоподтёки. Голова запрокинута, обнажая глубокий, рваный разрез на шее. Её мутный невидящий взор был обращён в небо. Белые хлопья густо роились над телом, попадая в раскрытые глаза.

Снег вокруг тела пропитался кровью, разметавшиеся светлые волосы причудливо обрамляли лицо. Кто-то превратил её последние минуты в сущий ад.

Громов с напряжением всматривался в мёртвое лицо девушки, ощущая тупую давящую боль в груди. Кто-то из зевак грубо толкнул его плечом, пробираясь поближе к телу, но Громов даже не шелохнулся. Ноги точно вросли в землю.

Он стоял, будто окаменевший, пока не почувствовал, как мороз сжимает голову ледяными тисками. Громов только сейчас заметил, что всё это время сжимал в кулаке шапку, и, стряхнув с неё снег, машинально нахлобучил на голову.

— Что стряслось-то, мил человек? — поинтересовался у него запыхавшийся паренек из новоприбывших.

Вместо Громова ответил старик с желтушным лицом и седой всклокоченной бородой:

— Да девку продажную с окна спустили. Ножом по горлу — р-раз, — дед чиркнул ребром ладони по шее, — и лети, пташка, в небеси.

— Э-э, что ж вы так недобро-то, отец! — парень осуждающе посмотрел на деда. — Жалко ведь, совсем дитё.

— Все мы Иисусовы дети, — прошамкал дед, кутаясь в облезлый воротник. — А ежели Господь не попустит — ни

один волос с головы не упадёт без Его воли. Стало быть, судьба ей такая уготована. Гляди, лежит, разнагишалась, буркалы её бессовестные... Тьфу, срамота!

— Отец, лучше прикуси язык, не срамись! — оборвал словоохотливого деда парнишка.

— Трудно смолчать, когда вот она — жисть, во всей её красе. А что?! Всё справедливо, и энта получила по заслугам, наказал Господь.

Дед красноречиво выпучил глаза на бездыханное тело и, пробормотав непристойное ругательство, сплюнул сквозь зубы.

— Дайте вы ему по башке кто-нибудь! — раздался возмущённый голос маленькой, опрятной, но бедно одетой женщины. — Разбойник старый! Ишь, расплевался! Ступай к своей бабке, коли сердца нет чужому горю посочувствовать.

— Чьему горю? Её что-ли? — дед ткнул заскорузлым пальцем на убитую. — Ей жалость моя без надобности. Жалеть ейных родителей надо. А где они? И знают ли, чем дочь на жизнь промышляла? Или можа её пожалеть? — съязвил дед, кивая на Сусанну. — Убыток теперь держать будет, моррда бесовская, тьфу!

Старик ещё раз смачно сплюнул в сторону Сусанны и, сунув руки в карманы тулупа, ехидно воззрился на маленькую, опрятную женщину, ожидая встречных возражений.

Громов слушал перепалку с двойственным чувством: он отчаянно жалел Полину и проклинал себя за то, что не успел.

А вдруг, не зайдя он в трактир, не приспичь ему пропустить рюмку-другую, её ещё можно было спасти? Кто-то добрался до несчастной раньше него. Кто же?

Громов вспомнил слова Полины: «Нутром чую — я следующая...» Тогда он отмахнулся, сочтя гибель рыжей Любки трагической случайностью. Громов полагал, что убийца, напуганный собственным злодеянием, затаился и до конца дней будет вздрагивать от каждой тени. Или сам себя сдаст, не вынесет душевных мук. Лишение человека жизни — это прежде всего страшная кара для самого палача.

Савелий нахмурился, глядя в кровавые пятна на снегу. Это содеял не сумасшедший, а холодный, расчетливый хищник, не знающий ни страха, ни сомнений. И он прёт напролом, не считаясь с последствиями.

Как сквозь туман до Савелия доносились голоса:

— И неча её жалеть!

— Э-эх, охальник старый! Поколотить тебя некому!

— А ведь красавица была, девушка-то...

— Больно рано Господь прибрал...

— Ай-яй-яй!.. Горе-то какое матери с отцом!

— А жила б праведно...

И только в маленькой опрятной женщине было что-то верное, строгое. Она единственная искренне огорчалась и по-матерински жалела бедняжку. Её доброе лицо было приятно Савелию. А остальные казались глупыми, недалёкими людьми, которые мелят языками попусту, не жалея Полины,

не понимая её тяжкой судьбы. Им лишь бы вывернуть наизнанку чужую жизнь, осудить, растоптать и принизить то, что и без них низко и не требует дополнительного признания своей неумолимой мрачной сути.

Савелий взглянул на Сусанну. Она по-прежнему стояла в дверях. Страх и боль парализовали её черты, превратив лицо в маску итальянской комедии дель арте¹. На карнавале в Венеции Савелий повидал много таких масок. И сейчас ему казалось, что Сусанна нацепила на себя одну из них. Маску Педролино²... Трагично изогнутые уголки губ и глаз. Персонаж, без меры винящий себя за проступки, которых никогда не совершал, и вследствие своей доброты и доверчивости часто оказывающийся обманутым. Хотя это описание в корне противоречило натуре Сусанны — расчётливой владелицы притона, в эту минуту её лицо напоминало именно эту маску.

Савелий на мгновение зажмурился, а когда вновь открыл глаза, то увидел, что она плачет. Размазывая кулаками косметику, она оставляла на щеках грязные тёмные разводы;

¹ **Комедия дель арте** (итал. *commedia dell'arte*) — традиционный итальянский уличный театр эпохи Возрождения, в котором актеры исполняли роли в специальных кожаных масках. Каждая маска закрепляла за персонажем утрированную, неизменную гримасу — застывшее выражение крайнего ужаса, скорби, глупости или злости.

² **Педролино** — один из ключевых персонажей итальянской комедии дель арте. Традиционная маска слуги, чьё лицо выбеливалось мукой, а уголки глаз и губ опускались вниз, создавая образ вечной, безвинной скорби. По сюжету Педролино часто страдал от чужих интриг из-за своей доверчивости, став прообразом грустного французского Пьеро.

плечи её судорожно вздрагивали. Он знал, что мадам по-своему любила девушку. Сусанна разом потеряла и «золотого тельца» и единственное, по-настоящему близкое существо.

* * *

Сусанне было жаль Полину, она за эти годы привязалась к своей протеже. А ещё ей было нестерпимо жаль себя. В то время как на Смоленском рынке за пятьдесят копеек можно было купить двух курей, пяток яиц и три пшеничные франзольки, Полина приносила доход в тысячу рублей ежемесячно. Эта фантастическая сумма превращала Сусанну в значительную фигуру высшего света.

На средства, добытые в стенах лупанария, мадам покровительствовала искусствам: на её деньги ковали себе имена молодые талантливые художники, публиковались дерзкие писатели; она исправно наполняла императорскую казну налогами, и отдельной, внушительной статьёй оплачивала обмундирование армии. В этом заключался необъяснимый парадокс: на деньги, добытые порочным путём, процветало искусство и крепла военная мощь державы.

Ей льстило сознание собственного веса в обществе, которое оставалось для хозяйки публичного дома закрытым и чужим, но в которое она страстно мечтала проникнуть. К тому же Сусанна регулярно усмиряла взятками и дорогими подарками городских чиновников.

Со смертью Полины в отлаженном механизме, питавшим столько жизней, лопнула главная пружина. Он в одночасье

рухнул, оставив хозяйку один на один с грядущим разорением и страхом. Доходы заведения неминуемо снизятся, и с этим нужно было что-то делать. Снова искать протекже? Но девушки с подобной внешностью — редкая удача для хозяйки борделя. Тогда в Вильнюсе, встретив Полину, Сусанне просто повезло. Красоток такого масштаба в её борделе не было прежде и, скорее всего, не будет никогда. Горе Сусанны было неподдельно.

Желая в последний раз взглянуть на Полю, Громов шагнул вперед, оттесняя желчного деда движением локтя.

— Куды прёшь? — вскинулся старик, но наткнувшись на взгляд Савелия, счёл за благо умолкнуть.

Выбравшись из плотного кольца толпы, Громов сел неподалёку на лавку рядом с оборванным мужиком и закурил. Вокруг него беззвучно колебалась холодная белая мгла.

Вдруг ему показалось, будто Поля стоит совсем рядом и смотрит на него. Сейчас он обернётся, а там она... Он огляделся и наваждение рассеялось. Больше он никогда её не увидит. Надолго запомнятся её голубые живые глаза, пшеничные волосы и грустный смех. «Господи, Поля, кто сотворил это с тобой?!» — Громов незаметно смахнул слезу и устоялся перед собой.

Как страшно сознавать, что он мог спасти девушку, придя на несколько минут раньше! Почему он не явился с самого утра, как и планировал? Что же он делал? Сначала катался, потом завтракал, потом... Потом до самого обеда нежился с

Саломеей в постели. Громову пришло в голову, что всё это было словно на другой планете. Там, в «Лейпциге» — совершенно иная жизнь: шик, блеск, веселье и безоблачное счастье, не омрачённое проблемами. Разве у богатых они могут быть?

А здесь — мертвенный свет газовых рожков, желтушные стены тесных коридоров и затхлые лестницы, насквозь пропитанные грязью, дешёвыми духами и перегаром.

Хотя у Сусанки хватало денег на аренду роскошного особняка в любом квартале Москвы, закон не позволял ей содержать дом терпимости на глазах у высшего света. Порок обязан прозябать на задворках, в декорациях, соответствующих его греховной природе. Здесь, на Якиманке, от Калужских ворот до Шаболовки, тянулись ряды унылых кирпичных и деревянных коробок, до отказа набитых бедным людом. Летом — пыль и вонь, зимой — пронизывающий до костей холод. Жандармы патрулировали здешние улицы по двое, а то и по трое, но даже эти меры не спасали жителей от вечного круговорота воровства, пьяных драк и бесславных смертей.

Обитатели этих углов — лакеи, прачки, извозчики и проститутки — существуют на грани человеческого достоинства, увязая в нищете и безысходности. Озлобленные и сварливые, они прожигают остатки дней в вечном угаре, чтобы в конце концов бесследно исчезнуть в поножовщинах, сгореть от сивухи или сгнить от срамных болезней. Для многих смерть становилась единственным избавлением от затянув-

шейся пытки.

Но всё-таки жизнь — великое благо, и было чудовищно, немыслимо умирать во цвете лет с перерезанным горлом... Замучил, истерзал и прирезал, как свинью.

Сунув руки в карманы, Савелий медленно побрёл прочь, унося в груди тяжёлое чувство. Виски стучали, снег колол лицо. Перед глазами плыла окровавленная, распластанная на снегу фигура. Он чувствовал непреодолимое желание найти и наказать убийцу.

Громов многое бы отдал хоть за намёк, хоть за крупицу сведений об этом человеке. Он попытался представить его — и на миг Савелию показалось, что земля уходит из-под ног. Нечто смутное, но пугающе близкое вдруг явилось из глубин сознания. Будто сквозь туман на него смотрело чьё-то давно знакомое лицо. Оно победоносно улыбалось и язвительно скалило зубы.

* * *

Саломея встретила его, обиженно поджав губы.

— Где так долго был?

— По делам ездил, — отозвался Савелий, не поднимая глаз.

— Господи, Савелий! На тебе лица нет! Что случилось?!

— Устал немного.

— Не ври! — Саломея встала прямо перед ним, преграждая путь. — Посмотри на меня! — вспыхнула она. — Я — твоя жена и имею право знать, где ты был и что случилось?

— Говорю же — устал, — Савелий попытался обойти её.
— Пешком шёл два квартала, снег месил.

— А ты не умеешь врать, — княжна покраснела и вполголоса спросила:

— К шлюхам ходил?

— Ты в своем уме, Саломея?

— Дыхни!

— Что?!

— Дыхни на меня! — княжна вплотную приблизилась к мужу и, встав на цыпочки, стала ловить его дыхание. — Всё понятно! Водку пил!

— Пил! Так что?!

— А то! Эх, ты! Я его жду, а он... — Савелий увидел, как слёзы брызнули из прекрасных глаз Саломеи.

Княжна бросилась на кровать и зашлась в рыданиях, как ребёнок.

— Мэй, милая, ну что ты? Перестань, — голос Савелия прозвучал укоризненно и устало, — не до этого мне сейчас.

— А до чего тебе?! — она повернула к нему заплаканное, искаженное обидой лицо. — Бросаешь меня одну, пропадаешь Бог знает где, ещё и врёшь!

Савелий опустился на край кровати, пристально взглянул в её лицо и с некоторым сомнением произнёс:

— Хорошо. Я скажу. Один мой друг... Точнее, одна хорошая знакомая... Нет, не так...

Он уперся локтями в колени, обхватил голову руками и,

взъерошив себе волосы, замолчал. Саломея затаила дыхание, не сводя с него пытливого взгляда.

— Какая еще знакомая? — выдохнула она, пытаясь прочесть ответ на его лице.

Что ей сказать? Что он годами обивал порог публичного дома ради одной гризетки? Что сегодня он шёл туда, чтобы выкупить её свободу, но нашел лишь изуродованный труп на грязном снегу? Картина вырисовывалась «превосходная». И ведь она угадала. Он действительно ходил к шлюхам. И пусть его мотивы были далеки от низменных страстей, факт оставался фактом — Савелий Громов только что вернулся из публичного дома.

Любой другой на его месте легко бы соврал и наплёл убедительной чепухи, но позволить себе говорить неправду любимой жене Савелий не мог, поэтому, скрепя сердце проговорил:

— Когда я бывал в Москве, я часто навещал одну... гхм... девушку. Не смотри на меня так. Да, она была из тех, кто торгует собой. И сегодня её убили.

— Не понимаю... — Саломея судорожно соображала, — так ты сегодня ходил к ней?

Савелий кивнул.

— Зачем?! — глаза княжны снова наполнились слезами.

— С единственной целью, помочь ей выпутаться из нелёгкого положения.

— Зачем, Савелий?! Зачем, я не понимаю?! Какое тебе до

неё дело?! — в слезах кричала Саломея. — Тебе мало меня?!

Громов вздрогнул, точно от пощёчины.

— Милая, умоляю, перестань ради Бога! Ты же знаешь, кроме тебя мне никто не нужен. Как видишь, я не обманываю, не выкручиваюсь. Я сказал правду — да, я там был, но я хотел лишь помочь ей принять решение: или она уходит отсюда открыто, или тайно, совершив побег.

— Bravo! Мой муж хотел устроить побег грязной шлюхе! — Саломея захлёбывалась слезами ревности и досады. — Ты — старый дурак! — злобно выкрикнула она. — Возомнил о себе чёрт знает что! Мы женаты несколько дней, а ты уже вмешиваешь в нашу жизнь продажных баб! Господи... Я убегу отсюда, я прямо сейчас сбегу к отцу! Правильно Максимов говорил папе, ты ходишь по притонам!

— Что ты сказала?

— Ничего! — Саломея осеклась, понимая, что сболтнула лишнего. Она вскочила с постели и заходила по комнате, сдерживая рыдания, готовые в любую секунду вырваться наружу.

— Что ты сказала?! Повтори!

Саломея упрямо молчала.

— Саломея! Не испытывай моё терпение. Я жду.

Княжна никогда не видела Савелия таким грозным. Она знала, что он ничего дурного ей не сделает, но тучи в его глазах требовали, что лучше бы ей повиноваться и всё сказать. Саломея подняла на него заплаканные глаза.

— За несколько дней до свадьбы к нам зашёл Алексей Иваныч. И я подслушала у папиного кабинета, как он говорил, будто ты в Москве тайно посещаешь шлюх, — её голос сорвался, а нижняя губа мелко задрожала, — и что в Жилево у тебя есть женщина с двумя детьми. Папа не поверил, но Максимов совал ему какие-то бумаги, чтобы убедить.

— Всё понятно, — Громов глубоко вздохнул, глаза его налились кровью. Он стал похож на разъярённого быка, и Саломея по-настоящему напугалась.

— Если ты не передумала сбегать к родителям — собирайся, — отрывисто бросил он. — Наш поезд уходит через три часа.

Не оборачиваясь, Савелий вышел из номера, с грохотом захлопнув дверь.

Нелли

Сани снова остановились на Тверской, у лупанария. Тело давно увезли в морг, кровавое пятно соскребли и забросали свежим снегом. Зеваки разошлись — спектакль окончен, смотреть больше не на что. Лишь трое мальчишек возились у сарая, да какой-то замухрышка в лохмотьях застыл посреди двора, пересчитывая медяки на ладони.

Савелий вошёл в подъезд, быстрыми шагами пересёк узкий вестибюль и поднялся по знакомой лестнице. В нос неприятно ударил запах сала и мочи. Мимо по коридору прошёл полицейский надзиратель, подозрительно вглядываясь в его лицо. «Наверное, девок опрашивают», — подумал Савелий.

Он стучал кулаком и ногами в комнату Сусанны, но дверь была заперта и, казалось, внутри никого нет.

— В часть её увезли, — бросила Савелию густо накрашенная девица, возникшая из соседней комнаты. На вид ей было от силы лет двадцать.

— Давно?

— Час назад. Может, к утру и отпустят. В прошлый раз, когда Любашу ухлопали, её сутки в кутузке держали. А, может, я могу помочь? — девица натянула профессиональную улыбку, но Савелий не обратил на неё никакого внимания. — Эй, оглох что ли? Говорю, пожалуйста со мной, отдохнём!

Громов внимательно посмотрел на неё:

— Вашу подругу сегодня убили. Это вас не останавливает? Хотя бы для приличия воздержались на день.

— Ха! А кто за меня поденные Сусанке внесёт? Ты что ли? — она уставилась на Савелия с вызовом. — И никакая она мне не подруга!

Девушка сплюнула на грязный пол, почти под ноги Савелию, и прислонилась к стене, бесстыдно выпятив едва прикрытую грудь.

Стыд и жалость боролись в жилиевце, когда он смотрел на размалёванную девушку. Всякий, кто имеет хоть малейшее представление о жизни в домах терпимости, знает, как стремительно и бесповоротно гаснут здесь любые проявления человечности. С каждым днём несчастные опускаются всё ниже и всё меньше рассчитывают вернуться к честной жизни, проклиная свою судьбу. Строго судить их нельзя. И эта девушка была тем погибшим созданием, которое окончит дни своей молодости в этой трущобе.

Рядовые девки теснились в душных каморках, да коротали время в общей зале с охрипшим пианино. Мадам панически боялась побегов: окна во всём здании были зарешёчены, а выходить на улицу без присмотра пансионеркам строго запрещалось. Лишь избранные кокетки имели право на подобие светской жизни. Полина принадлежала к их числу, а эта девушка стояла рангом куда ниже. Поэтому она с такой злобой отзывалась об убитой.

— Как звать тебя? — спросил Громов.

— Нелли, а что?

— Это твоё настоящее имя?

— Чёрта с два я скажу тебе настоящее, — презрительно скривила губы барышня.

Она назвалась именем, под которым пять лет назад её зарегистрировала Сусанна. Нелли несколько раз удавалось сбегать отсюда, но ищейки мадам настигали беглянку и волокли обратно.

В конце концов, она поняла, что бежать без документов бессмысленно, лучше оставаться на месте и сидеть смирно. Шпики Сусанки доходчиво вбили ей в голову, что если её поймают полиция, впереди лишь арест и казённые розги. А здесь — да, она лишается свободы, но к чему нужна такая свобода? Разве так уж хорошо жилось ей до этого? Дома — мать-алкоголичка и голодные сестрёнки, а в этом месте по крайней мере кормят досыта, в комнате тепло, а вместо обносков хоть и казённое, но нарядное тряпье. Да и работа, честно сказать, не вызывает отвращения. Может потому, что ей пока не попадались старые мерзкие развратники?

Девушка без стеснения оглядывала Громова с головы до ног. Интересно, каков в любви этот статный мужчина? Он так пронзительно смотрит, что у неё по всему телу забежали мурашки. Может, ей сегодня повезёт... Она не один раз видела его выходящим от Полины. Забыть такого красавца невозможно. Поля как-то обмолвилась, что это её постоян-

ный гость.

В конце коридора скрипнула дверь, и из дальней комнаты выскользнула тонкая девичья фигурка. Фиолетовое платье в ярко-жёлтый горох нелепо обтягивало её детские формы. Светлые, почти как у Полины, волосы завиты крупными локонами и наспех собраны на затылке. На вид ей нельзя было дать и шестнадцати лет. Она прошла мимо них не мигая, с застывшим выражением лица — видно, она была сильно напугана.

— Окся! Стой, ты куда? — окликнула её Нелли.

Девушка вздрогнула и обернулась.

— Водички испить...

— Тебя допрашивали?

— Да, — Окся нервно сглотнула. — Шпик у меня в комнате, — понизив голос, добавила она.

— Что ты ему сказала?

— Н-ничего... — девушка замотала головой.

— Ладно, иди пей.

Савелий проводил Оксю взглядом.

— Что, приглянулась? — ревниво спросила Нелли.

Громов промолчал. Окся напонила ему Полину. При виде столь юной особы, волею судьбы угодившей в капкан, ему хотелось силком вырвать её оттуда. И сейчас он чувствовал сильное желание догнать девочку и узнать, как она здесь оказалась, где её родители и хочет ли она на волю?

Нелли оборвала его мысли:

— Ты к Сусанке зачем ломился?

— По делу.

— Насчёт Польки?

— Какая разница, — Громов собрался уходить. Скоро поезд, нужно было собирать вещи.

Нелли видела, что этот человек сильно отличается от заведомых лупанария, искавших в женщинах лишь преходящее удовольствие. Он нравился ей. Такие мужчины — большая редкость.

— А я тебя знаю, — протянула она с напускной развязностью. — Ты ведь только к Польке шастал. И Сусанка тебе нужна, чтобы докопаться, кто твою подружку угрохал.

Савелий устоял на девицу. А она не так проста, как кажется. Нелли была совершенно не во вкусе жилиевца, но он не мог не отметить её выгодных черт: тёмные глаза смотрели живо и проницательно, каштановые волосы с едва уловимым медным отливом мягко вились на концах. И хотя губы, на вкус Савелия, были несколько тонковаты, изящные линии скул и подбородка наделяли лицо девушки некоторым благородством.

— Что ты про это знаешь? — спросил он.

— Ничего, — она хитро прищурилась, изучая его реакцию. — А может, и знаю.

Вдруг, на что-то решившись, она скомандовала:

— Пошли.

Громов колебался долю секунды.

В тесной каморке было душно, но окна растворять запрещалось — тепло слишком быстро уходило из комнат, а дрова нынче дороги, нужно было экономить. Сусанна экономила на простых девушках.

Без лишних церемоний Савелий приступил к расспросам. — Нелли, что тебе известно о смерти Полины?

Девушка стояла у трюмо и лениво водила расчёской по волосам.

— Как, по-твоему, я красивая? — казалось, она не слышала его вопроса.

— Красивая, — отрезал Громов. — Но послушай. Кажется, ты позвала меня не за этим. Давай по существу. Я тороплюсь, у меня поезд в семь часов...

— Подождет твой поезд, — она продолжала любоваться собой. — А мог бы такой как ты... хоть капельку, хоть самую малость, полюбить такую, как я?

Савелий начал терять терпение.

— Нелли, прошу, расскажи, что тебе известно?

— О-о... — разочарованно протянула она, отложив грёбень. — С тобой скучно.

Она села на кровать и Савелию на миг показалось, что она никогда не заговорит. Он ждал.

— Знаешь, а у меня был парень, — начала Нелли. — Снимал комнатку здесь, неподалёку...

Громов нетерпеливо вздохнул, и девушка наградила его сердитым взглядом.

— Тебе не интересно?

— Мне интересно, но давай после, после. Времени нет, понимаешь?

— А когда — после? Ты уйдёшь, и мы больше не увидимся. А у меня душа ноет.

Лицо девушки дрогнуло, побледнело, её качнуло в сторону, и еле слышным шёпотом она сказала:

— Я любила его. Такие милости оказывал, пальцем не смел тронуть, не то что козлы, которые сюда шастают.

— Как же ты попала сюда?

— Отчим постарался... Сначала сам избавил меня от того, чем так дорожит любая девица, а потом под друзей пьяных подкладывал, деньги за это брал. И вот я здесь.

— А парень что же?

— На каторге. Убил Фёдора и осудили на пятнадцать лет.

— Кто это — Фёдор?

— Отчим. Он, гад, запачкал меня всю. — Нелли отвернулась к окну. — Лучше б меня вместо Польки.

Нелли и сама не поняла, что это с ней вдруг случилось. Хотела разыграть загадочность, удивить тем, что ей известно, завлечь, а то и вовсе соблазнить. А вместо этого — дала слабинку, размякла. Ей нестерпимо захотелось излить душу этому благородному господину. Она интуитивно угадывала его натуру: глубокую, надёжную, лишённую всякого коварства.

Едва в её безрадостной и пустой жизни мелькнул этот че-

ловек — мимоходом, случайно, — как в ней проснулось отчаянное желание довериться ему. Он был из другого мира: залитого светом, спокойного, полного ярких красок, куда ей никогда не сыскать дороги. И всё же противостоять искушению она не смогла. Ради ничтожной толики его тепла она, не задумываясь, отдала бы себя на целый год под суровый надзор монахинь ордена Кармелиток.

Её не выстраданное горе на миг породнило с ней Громова, он почувствовал к ней жалость. Но сострадая, он ни на секунду не забывал, зачем пришёл сюда.

— Нелли...

— Сейчас, — она смотрела в окно и беззвучно плакала, вспоминая свою прежнюю чистую жизнь. — Тебя в коридоре увидела и знаешь, словно поверила, что не всё ещё потеряно.

Громов промолчал. События сегодняшнего дня давали о себе знать, плечи словно налились свинцовой тяжестью, было тяжело стоять. Он, как ни странно, понимал её мысли и порывы израненной души. Ему хотелось разубедить её, заставить забыть пережитое несчастье и поверить, что не все дороги закрыты и зло не повсеместно, но он очень устал, а разговоры по душам требовали огромных внутренних сил.

— А хочешь, я тебя бесплатно обслуживу? — она сквозь слёзы дерзко взглянула на него.

— Нелли! — поморщился Громов. — Если ты не желаешь говорить, я ухожу. До свидания.

Савелий шагнул к выходу, но девушка опередила его. Она

с кошачьей грацией скользнула к двери и прижалась к ней спиной.

— Я скажу, — она прямо смотрела на него. — Я многое знаю.

— А ты уже сказала об этом полиции?

Нелли мотнула головой.

— Не-а. Не дождутся, шпики поганые. Суют свой нос куда не надо, разнюхивают, допросы учиняют. Иной и руку поднять может. А сами не прочь с нашей сестрой поразвлечься. Сусанка им раз в месяц «подарочные дни» устраивает — задабривает доблестную полицию. Толпой заваливаются сюда и слюни распускают. У-у, ненавижу!

«А она смелая девка», — подумал Савелий.

— Знал бы ты, через что я прошла. Ну ладно, измаялся ты совсем. Слушай...

Чем дольше говорила Нелли, тем шире становились глаза Громова.

* * *

Нелли была из тех, кто, несмотря на внешние обстоятельства, не утрачивает здорового любопытства и внимательно изучает этот мир, старательно выискивая в нём пищу для пытливого ума. Природная наблюдательность позволяла ей многое замечать и делать верные выводы, анализируя происходящее вокруг.

Окна её каморки выходили во двор, и Нелли замечала всякого, кто переступал порог дома терпимости или покидал

его. В дневные часы, когда не было посетителей, она подолгу просиживала у окна.

Примерно год назад она заприметила, что некий господин повадился приезжать к ним в «неурочные» часы, когда во всей округе не сыщешь ни одного блудодоя на пять вёрст вокруг. Сначала Нелли приняла его за мелкого чиновника, удивившего в обед со службы ради плотских утех. Гость усердно маскировался. «Женатый, не иначе», — думала Нелли. Шляпа у него всегда была надвинута до бровей, рот и подбородок скрывались за поднятым воротником, а верхняя часть лица надёжно пряталась за чёрной полумаской. Наружу торчал лишь крупный нос с характерной горбинкой.

Загадочный визитёр разжёл в Нелли опасное любопытство. Каждые три месяца он словно из-под земли возникал у них на пороге и целую неделю аккуратно, день за днём, посещал притон. Мысленно она окрестила его Маской. Но кто он таков? Ради чего устраивает этот маскарад и к кому повадился шастать? Нелли готова была биться об заклад, что у господина здесь только одна фаворитка. Интуиция её не подвела.

Как-то раз в малой гостиной, где девицы коротали время между визитами, зашёл разговор о причудах и диких фантазиях некоторых гостей. Кокоткам нередко приходилось терпеть оригиналов с прихотями, чья эксцентричность балансировала на грани безумия и доходила до неприемлемых, срамных и противоестественных вещей.

В этот раз послушать чужие сплетни спустилась даже Поля, редкая гостья в их компании. Девицы завидовали её красоте и лёгким деньгам, поэтому она сознательно не заходила на второй этаж, стараясь лишний раз не мозолить им глаза.

Все, затаив дыхание, слушали синеглазую Рыжую Любку — самую статную девушку в доме. Со страхом в голосе она поведала о странном посетителе, который ни разу до неё не дотронулся в известном смысле. Этот господин объявлялся пару раз в полгода, и целую неделю ходил к ней как на службу. Каждая встреча была точной копией предыдущей. Раз за разом Любе предписывалось разыгрывать один и тот же спектакль.

Первым делом она ярко румянилась и танцевала под его угрюмым взглядом. Натешившись, он преграждал комнату ширмой, отправлял Любу на одну сторону, а сам наблюдал за ней через маленькое отверстие, которое сам же проковырял ножом.

За ширмой Любе надлежало вести себя так, словно в комнате никого нет. Загадочный господин расписал порядок её действий до мельчайших подробностей. Сначала ей следовало съесть заранее заказанный им сочный свиной шницель, затем — не торопясь расчесать волосы перед трюмо, медленно раздеться и, наконец, воспользоваться ночным горшком. Причём намеренно небрежно, чтобы капли брызгали на пол, попадая на ширму.

Сначала Люба стеснялась выполнять последнее условие,

зная, что за ней наблюдает пара скрытых глаз, но мужчина настаивал, и постепенно она привыкла — для неё это стало сродни умыванию или нанесению помады.

Громов знал, что есть на свете любители подглядывать за чужой наготой или самыми интимными процессами. Возбуждение от тайного наблюдения — явление старое, как мир. Французы, знавшие толк в извращениях, в публичных домах брали двойную таксу с тех, кто желал подглядывать за девицами, и тройную — с желающих понаблюдать за подглядывающим.

Но настоящая пытка была впереди. Каждый раз её пробиравал страх: какую блажь сегодня выкинет этот безумец?

Стоило Любе закончить, как ширма отлетала в сторону, и гость открывал саквояж, доверху набитый жуткими вещами: масками, цепями, плетями. От девушки требовалось безропотно сносить удары семихвостки и разыгрывать покорность. Но порой его жестокость заходила дальше: он срывал с бедняжки остатки одежды, затягивал на её горле ошейник острыми шипами внутрь и давил, пока на коже не проступала кровь. Любе предписывалось кричать и плакать, вымаливая пощаду, а изувер иступленно твердил, что через эти муки её грязная, продажная душа очищается от греха.

С каждым разом Любина голгофа становилась всё жёстче. За ширмой ритуал оставался неизменным, и она механически исполняла одно и то же, но стоило преграде пасть, — ситуация выходила из-под контроля.

Первые порки казались цветочками по сравнению с тем, что изверг устроил в прошлый раз. Если поначалу он сёк Любу осторожно, как бы приноравливаясь, то в последние визиты она буквально корчилась от боли под ударами остревеневшего хлыста. Причём садист старался зацепить самые нежные, потаённые места на её теле.

На отчаянные просьбы остановиться он не реагировал, жалобы и стенания девушки распаляли его ещё больше. Он продолжал пытку до тех пор, пока не достигал пика наслаждения, добытого столь изощрённым способом. На память Любе мучитель оставлял ссадины, боль, кровь, душевные муки и страх перед следующей встречей.

Исповедь Рыжули произвела на девушек удручающее впечатление. Одно дело потакать хмельным капризам, и совсем другое — угодить в лапы к безумцу. Подобные чудовища ни одной из них, слава Богу, пока не попадались.

Низкорослая остроносая девица Лена Цимакова присоветовала пожаловаться Сусанке. Но Рыжуля категорически отказалась. Жаловаться было нельзя. Это правило в борделе усвоили крепче молитвы. Две жалобы за месяц — и мадам без сожаления сдавала девушку в руки полиции, а там разговор короткий — розги, смиренный дом или высылка в Иркутскую губернию, где царят вечный холод и мерзлота. Попавшие туда не протягивали и пары лет. Непосильные работы и жёсткий климат изнуляли и без того нездоровый организм в считанные месяцы.

Если же девушка сбегала из борделя — шпики тотчас устраивали облаву, и затравленную беглянку волокли назад, в заведение, где Сусанка жестоко наказывала за строптивость, чтобы неповадно было другим. Избитую до полусмерти девку либо запирали в подвале на хлеб и воду, навсегда лишая права выходить в общую залу, либо ломали жизнь окончательно, продавая за долги в самые грязные, грошовые вертепы на окраинах. Поэтому, если можно было терпеть — девушки терпели, боясь быть забитыми в подвалах или сгнить в смиренном доме.

Выведав у Рыжули время этих жутких свиданий, Нелли окончательно уверилась, что Любин мучитель и загадочный незнакомец в плаще были одним и тем же лицом. И вот некоторое время спустя несчастную убили. Кровавый след вёл к одной-единственной фигуре, и Нелли была готова поклясться на кресте, что это сделал Маска.

Странно, но никто из девиц никогда его не видел — он дьявольски точно рассчитывал часы визитов: до полудня многие девушки ещё не вставали с постели, и он мог беспрепятственно миновать коридоры, избегая встреч.

Сусанна оставалась единственной, кто наверняка знал убийцу, но полиция не сумела — или не захотела — вытянуть из неё ни слова. А может, пара тысяч рублей отступных в карман следственного пристава сотворила чудеса? Что значила для сытого светского общества жизнь какой-то девки? Нуль, и больше ничего.

Не прошло и недели со дня гибели Любы, как по притону поползли зловещие слухи. Юркая Ленка Цимакова во всеуслышание божилась, будто пару дней назад своими глазами видела через щёлку незапертой двери, как мадам приняла от человека в чёрной маске десять тысяч рублей.

Сусанка быстро пресекла эти разговоры, заставив девушку прилюдно признаться во вранье. После этого Ленка бесследно исчезла из лупанария, породив тень сомнения среди пансионеров — а может то, что она видела, было правдой? Но никто не осмелился заговорить об этом вслух, девушки опасались репрессий и держали рот на замке, предпочитая забыть об убийстве как можно скорее.

Едва речь зашла о палаче, Нелли с дрожью в голосе призналась, что незадолго до смерти Поли, они толковали с ней с глазу на глаз. Хотя девушки стояли на разных ступенях своего ремесла и между ними не было ничего общего, странный случай заставил их на краткий миг сблизиться, почувствовать что-то сродни приязни, которая, впрочем, быстро угасла.

Поля жила в борделе на особом положении. Она занимала роскошные апартаменты в отдельном крыле первого этажа, куда простым девицам вход был заказан. Её спальня напоминала роскошный номер, в котором сменяли друг друга князья, графы и седоусые генералы, готовые отдать целое состояние за одну ночь в её объятиях. Крохотные каморки остальных девиц и контора мадам ютились на втором этаже,

являвшем разительный контраст с жильём Полины. Многих кокоток это раздражало, но хозяйка зорко берегла свой главный источник дохода. Фаворитка купалась в роскоши, потому что превратила мадам в одну из богатейших женщин города.

И вот, спустя месяц после расправы над Рыжулей, Нелли и Полина столкнулись на лестнице при странных обстоятельствах. Буквально тремя минутами ранее Нелли, стоявшая у окна, заприметила, как укутанная в плащ фигура Маски быстро промелькнула в дверях заведения. Судя по отрывистым жестам и тону, которым он отпустил извозчика, гость пребывал в крайнем раздражении. Шёл сильный буран, и пока незнакомец расплачивался, его успело основательно засыпать снегом. Он не скрывал досады, нервно отряхивая полы длинного тёмного редингота. Одет он был, по обыкновению, плотно: воротник укрывал лицо до самого носа, а поля шляпы, надвинутой на глаза, казались белыми от снежных хлопьев.

Нелли охватил ужас. После расправы над Любой девушки боялись визита этого человека. Зачем он вернулся? Выбрать очередную жертву? Желание увидеть его вблизи настолько охватило бесстрашную девушку, что она, вопреки строгим инструкциям не покидать без нужды своей комнаты, рискнула выйти на лестницу и, спрятавшись за портьерой, рассмотреть эту птицу поближе. Заторопившись к двери, девушка наткнулась на ножку трюмо и с размаху растянулась на по-

лу, проклиная собственную неловкость. Ушибленное колено саднило. А ведь это маленькое происшествие спасло ей жизнь.

...Когда она, едва не лопааясь от досады, вышла в коридор, незнакомец уже ускользнул, зато она обнаружила на лестнице насмерть перепуганную Полину.

Прихрамывая и морщась, Нелли подошла ближе. Вид белокурой красавицы настолько её поразил, что вопрос сорвался с губ сам собой: «Что с тобой, Поля?!» Полина сказала, что спускалась к себе от Сусанки, которой носила ежемесячный отчет, и нос к носу столкнулась на лестнице с Маской.

Нелли знала, что такое этот отчёт, — в конце каждого месяца девицы должны были представить мадам реестр своих гостей с дотошными подробностями: имена, если они известны, пристрастия, потаённые нужды и малейшие странности каждого мужчины. Зачем это было нужно мадам содержательнице — оставалось тайной, но закон исполнялся неукоснительно. Отчёт писали все — от грошовых кокоток вроде Цимаковой до блистательной Полины. Исключение составляли лишь дни на Святках или после Пасхи, когда в борделе бывал такой яростный наплыв «праведников», что у иных девиц набегало до двух десятков гостей за сутки. Так православный люд отмечал окончание поста: едва выйдя из храмов, добрые христиане отряжаются к девкам — разговеться. В такие дни Сусанка отправляла каждой труженице по два стакана водки и бутылку дешёвой кабачной кислятины, что-

бы те могли выдержать эдакий напор. Полина в эти дни не работала.

Так вот. Спускаясь по лестнице, Полина нос к носу столкнулась с незнакомцем, заставившим её напугаться до полусмерти.

Она сразу поняла кто перед ней. Грохнув дверью привратничкой, мужчина шагнул в холл. Он отряхивал от снега шляпу и сквозь зубы бормотал непристойные ругательства. Ни одна живая душа в этом доме не видела его без маски, даже те, кто с ним общался: ни Сусанка, ни привратник, ни Рыжуля.

Кокотки гадали, что же он прячет под ней: шрамы, чирьи, начинающийся сифилис или какое-нибудь уродство? Но сейчас он был без маски. При виде девушки он спохватился и полез в карман, но было поздно. Она успела рассмотреть его. Никакого изъяна на лице мужчины и в помине не было. Напротив, его даже можно было назвать приятным, если б не печать беззгливости и злобы, искажавшей благородные черты.

Маска, — а это действительно был он, — не сводя пристального взгляда с девушки, бросил шляпу на столик, скинул плащ на вешалку и двинулся к лестнице, посреди которой застыла испуганная Полина.

Он неторопливо поднимался, ощупывая Полю взглядом с ног до головы. Скрип деревянных ступеней отдавался в груди девушки болезненным эхом, действовал ей на нервы. По-

ля умирала от страха, а Маска, не сводя с неё глаз, упивался произведенным эффектом. Девушка пробудила в нём определённый интерес. Пожалуй, эта добыча обещала быть куда заманчивей рыжей Любки. Если уж начистоту, такую красоту редко встретишь даже в самом изысканном аристократическом обществе.

Поравнявшись, он остановился и уставился на неё оценивающе и нагло. Поля первой отвела взгляд и растерянно прижалась к стене. В ту же секунду Маска сделал резкое движение в её сторону — склонился над белоснежной шеей и жадно обнюхал кожу в том месте, где билась зелёная жилка. Хищные ноздри затрепетали, губы скривились в дьявольской улыбке. Насмерть перепуганная Полина не смела пошевелиться.

Получив порцию животного наслаждения от произведённого ужаса, злодей, наконец, оставил её в покое и продолжил путь вверх. На верхней ступени он обернулся и плотоядным взглядом окинул сжавшуюся от страха фигурку. Затем, не спеша, извлек из кармана маску и неторопливыми движениями скрыл под ней лицо. Полина как замороженная наблюдала за ним, не в силах шевельнуться. Наконец он растворился в сумраке коридора, оставив после себя фиалковый шлейф.

Мысли её лихорадочно закружились. Она видела его лицо, его проклятое лицо! «Что теперь будет?» — со страхом думала девушка. Кто он такой, чёрт бы его побрал? Граф, князь или царедворец? Зачем снова вернулся? Знает ли он,

что его здесь раскусили? Убийца не оставит в живых ту, которая может его опознать! Одно дело — просто подозревать, и совсем другое — знать его приметы. Теперь она опасна для него. Пойти к Сусанке? Но что ей сказать? Что она увидела лицо гостя без маски, и он на неё косо взглянул? Пустая затея. Мадам скажет — бабьи страхи. Она не любила пустоportunей болтовни и поднимет Полю на смех.

Но Полина нутром чуяла, что обречена. Это был ровно тот самый случай, когда человек точно знает, что с ним произойдёт что-то нехорошее, но никак не может этому помешать. Что ей оставалось делать?..

В тот день судьба дала осечку — ни одна из девиц не пострадала. И более того, Маска словно сквозь землю провалился.

Объявился он только сегодня. И убил Полю.

* * *

Нелли замолчала. Её рассказ поверг Громова в состояние, близкое к кататонии: он стоял, как громом поражённый, не в силах шевельнуть даже пальцем. Всё враз обрело ясность. Все разрозненные детали, что он прежде слышал об этом деле, внезапно выстроились в последовательную цепочку, каждое звено которой — мимолетный взгляд, обрывок фразы, место и время — встало на своё место, обнажая совершенно очевидную правду, которая всё это время была у него под носом. Кусочки мозаики, прежде хаотично роившиеся в мозгу, вдруг обрели вполне конкретные формы. Он понял, кто

скрывается под личиной Маски. Но одного понимания было мало. Против такого врага требовались неопровержимые доказательства, и Савелий поклялся себе, что добудет их.

Взглянув на часы, Громов побледнел. Времени почти не осталось. Стрелки неумолимо отсчитывали минуты до отхода поезда, и действовать нужно было немедленно. Сердце дрожало от ненависти к этому мерзавцу.

— Нелли, детка, ты должна мне помочь. Я хочу попасть в комнату мадам Сусанны.

Нелли удивилась:

— О! Вряд ли это возможно. Сусанка носит ключи на поясе на железном кольце.

— Неужели нет запасных? Чёрт! — Громов в сердцах ударил кулаком по косяку.

— Нет... Хотя, постой-ка, — Нелли наморщила лоб. — Прошлым летом она велела нашему дворнику, Митричу, сделать запасные. Он запросил рубль с полтиной, взял деньги и запил. Сусанка его потом костерила на чём свет стоит, а он божился, что ключи готовы, только почему-то не отдавал. То ли они потерялись, то ли... А! Вспомнила! Он говорил, они в колодец упали!

— Значит, ключи всё-таки есть?

— Да, но какой в том прок?

— Где этот колодец? — в глазах Савелия вспыхнул огонь.

— Ты что, нырять собрался? В такой мороз? — ахнула Нелли. — Да и не достанешь ты. Он очень глубокий.

— Где колодец, Нелли?! — повелительно вскричал Савелий.

— Да вон... за забором. Возле дворницкой.

Савелий, не теряя ни секунды, пулей вылетел из каморки и помчался через двор к заветному забору. Нелли прильнула к окну.

Ворвавшись в дворницкую, Громов растолкал спящего Митрича. Спросонья тот не сразу понял, что от него хотят и стал клясться и божиться, что пил на свои и ни в жисть не посягал на чужое добро. В Митриче Громов признал желчного старика, который пару часов назад брызгал ядом возле тела убиенной Поли.

— Ключи? Ась? Каки таки ключи? — зашамкал старик, щурясь от света. — Не знаю, ничего не знаю! Мои вона висят на крюке, а больше у меня нету.

— Вспомни, дед! — Савелий едва сдерживался, чтобы не встряхнуть его за плечи. — Ты что, совсем без ума? Летом мадам Сусанна заказывала тебе дубликат от своей конторы.

— А, так энтот что ли? — старик, зевая, сполз с лежанки и на полусогнутых ногах поскрипел к столу. Выдвинув засаленный ящик, он извлек маленький ключ с тремя ушками.

— Энтот что ли?

— А разве он не на дне колодца? — спросил Савелий.

Дед рассмеялся старческим надтреснутым смехом.

— В колодезе токма вода. Это я нарочно сбрыхнул, что туды ключи упали — обидела меня сволочь эта. Стану я па-

костить воду всяцкой непотребой... Бери!

Митрич сунул заветный ключик в руку опешившего Савелия и, потеряв к гостю всякий интерес, повалился обратно на топчан.

— Ступай!.. А я сосну маленько... день сегодня уж больно...

* * *

В маленькой конторе мадам Сусанны терпко пахло лимон-грассом и мятой. Обстановка оказалась скромной: небольшой стол со стулом справа у стены, шкаф-витрина и потёртая кожаная кушетка. Лишь тяжёлые портьеры кричащей расцветки да фривольные картинки на стенах выдавали истинное предназначение этой обители.

Громов аккуратно запер за собой дверь и первым делом бросился к столу. Выдвигая ящик за ящиком, он потрошил стопки счетов и расписок, в надежде найти хоть малейшую зацепку: письмо, записку или случайный клочок бумаги, который выдал бы Маску с головой.

Не найдя ничего интересного, Громов в отчаянии рванул дверцы шкафа-витрины. На полках хранился большой запас снадобий, как возбуждающих чувственность, так и предохраняющих от срамных болезней. Кроме склянок и бутылок там ничего не было. Увы! Неужели он потерпел фиаско?

Опустившись на кушетку, Савелий внимательно, дюйм за дюймом прощупал Сусанкину контору цепким взглядом — от пола до потолка. Дойдя до носок своих ботинок, он кра-

ем глаза увидал торчавший из-под кушетки уголок тёмно-зелёной плотной бумаги. Затрепетав, как пойманная лань, он приподнял диванчик и извлёк на свет довольно увесистую папку. Методично, но проворно просматривая бумаги, он понял, что это отчёты девушек о посетителях.

Среди вороха бумаг выделялся пухлый конверт в прозрачном пакете. Громов напрягся, нутром почуяв добычу. Дрожащими пальцами он вытащил из конверта квитанцию на французском языке, картинку с изображением поезда и мелко исписанные листы, помеченные «мещанкой Кузнецовой Любовью» — рыжей Любкой. Бегло просмотрев несколько страниц, он спрятал бумаги во внутренний карман, вернул папку обратно, запер контору и вышел на улицу. Он нашёл, что хотел. Пора убираться отсюда.

Пигаль

Убийство самой дорогой гризетки Сусанкиного лупанария вызвало огромный резонанс в определённых кругах. Это была не грошовая девка, берущая за ночь пару мятых рублей. Смерть прекрасной Полины затронула интересы влиятельных граждан Первопрестольной.

На следующий день после отъезда Громовых из Москвы, в городе началась самая настоящая буча. Газеты наперебой кричали о жестоком маньяке, объявившем охоту на коко-ток. Одно из крупнейших изданий вынесло на первую полосу портрет красавицы Полины, снабдив его душещипательной статьёй о трагической судьбе девушки, заставив задрожать даже самые чёрствые сердца.

Вскоре по городу прокатился будоражающий слух: оказывается, убийца прятал лицо под чёрной маской, оставаясь неузнанным. И с лёгкой руки газетчиков его тут же окрестили Маской.

В центральный полицейский участок посыпались сотни разгневанных писем с требованием поймать преступника и наказать по полной, приговорив к высшей мере.

Жандармерия оказалась зажата в тиски. С одной стороны — разъяренная общественность, требующая найти и покарать убийцу, с другой — обличённые властью чиновники, чьи имена значились в списке покровителей Полины. Они

требовали поскорее покончить с делом, опасаясь, что затянувшееся следствие вытащит на свет их собственные порочные тайны. Малейшая оплошность могла обернуться грандиозным скандалом, способным уничтожить репутацию сильных мира сего.

Спецотдел по розыску особо опасных преступников развил бурную деятельность. Жандармы просеивали город, задерживая каждого, кто вызывал хоть малейшее подозрение. Началась проработка мужчин-иностранцев, мужчин со странным взглядом, и даже тех, кто излишне прятал в одеждах лицо, защищаясь от мороза. Одного за другим их волокли на допросы, выбивая показания, но всё тщетно — зверь оставался на свободе.

Не обошлось и без курьёзов. В участок явилась женщина, охваченная жаждой мести: она попыталась выдать за маньяка мужчину, который когда-то пренебрег её любовью.

Роль душегуба даже пробовали приписать Ванко. Вездесущие репортеры раскопали давнюю историю любви циркача с Полиной и состряпали красивую небылицу. Будто бы Ванко после долгих лет скитаний разыскал лживую невесту и, обезумев от ревности, учинил кровавую расправу.

Бывшего акробата отыскиали в тихом прибалтийском Каунасе. Оказывается, он пару лет назад счастливо женился и души не чаял в подрастающей дочке. К тому же он имел железное алиби, что вмиг разрушило карточный домик следствия. Красивый миф развеялся, уступив место другому.

По городу снова поползли слухи. На этот раз речь на роль палача прочили испанского графа д'Анунци. Поговаривали, что титулованный иностранец по уши влюблён в красавицу-кокотку и промотал из-за неё всё состояние. Один взгляд голубых глаз Полины заставлял его терять рассудок. Судачили, будто он пытался выкупить её у Сусанки, но «товар» оказался не по зубам. Мадам запросила запредельную цену, зная, что бедолага не наскребет и сотой доли назначенной суммы. Пока несчастный граф обивал пороги друзей в тщетных поисках кредита, чтобы вытащить любимую из кабалы, его двадцатилетний сын, по слухам, тайно наведывался в бордель к пассии отца. Ослеплённый двойным предательством, граф решает казнить негодяйку. А Любу он зарезал исключительно ради жестокой остротки — чтобы наглядно показать Полине, какая именно участь её ожидает.

Кровавая мелодрама идеально ложилась на вкусы жадной до сенсаций публики. Однако и эта версия рассыпалась в пух и прах. Граф действительно существовал, он и вправду был влюблён в Полину и даже пытался выкупить её. Но стоило Сусанне озвучить шестизначную сумму, как на этом всё и закончилось. Любовный пыл оказался погашен несоразмерным, как посчитал граф, выкупом. Да и сына-то у него и в помине не было, только замужняя дочь, мирно растившая четверых детей в Андалусии. Алиби почтенного Д'Анунци также оказалось безупречным.

Но город не сдавался. Ему нужен был некий прорыв, что-

то экстраординарное, нескудное. Каждый день газеты печатали что-нибудь новое по этому делу. Москва кипела. О дерзких убийствах спорили в лавках, ресторанах, на улицах и в домашних гостиных.

И свежая версия злодейского преступления не заставила себя долго ждать. В каталажку угодил доктор Пигаль, годами осматривающий Сусанкиных девиц.

Общественность требовала от власти активных действий, влиятельная аристократия порицала начальника полиции за нерасторопность, подтолкнув тем самым отдел по расследованию убийств к решительным действиям против доктора. Пигаль стал идеальной мишенью. У него не было надёжного алиби, к тому же при обыске в его квартире обнаружили драгоценности, принадлежащие убитым. И хотя доктор клялся, что серьги, кольца и браслеты были лишь платой за его «особые услуги», не входившие в официальный досмотр, жандармам этого было достаточно для веских обвинений. Пигаля официально нарекли убийцей и уpekли за решётку.

Началось следствие. Процесс объявили закрытым, но проныры-журналисты подкупали охрану и пробирались на слушания.

Газеты «Новое время», «Молва», «Колокол» соперничали за читателя и с каждым новым выпуском приоткрывали завесу тайного следствия. К примеру, «Молва» сорвала куш, опубликовав эксклюзивные выдержки из судебных дискуссий.

«Дело Пигаля» — как окрестили эти два убийства — рассматривал коронный суд. В судебную палату, как на службу, ежедневно прибывали губернский предводитель дворянства и городской голова. Судьбу обвиняемого должны были решить присяжные заседатели, на чьи плечи легла непосильная задача: им предстояло вынести вердикт человеку, чья вина строилась лишь на косвенных уликах и яростном желании толпы увидеть хоть кого-то на эшафоте.

Восемь лет назад государь-император ассигновал около девятисот тысяч золотых рублей на реформу правосудия. Огромные средства были освоены, но кардинальных перемен не случилось: судопроизводство пожирало ресурсы, оставаясь неизменным.

Согласно новому Уставу, все подданные империи провозглашались равными перед законом. Судьбу человека, невзирая на его статус, вручали присяжным заседателям из разных сословий. Это означает, что ни у князя, ни у графа, ни у купца в суде не должно быть преимуществ перед простым сельским доктором или, скажем, белошвейкой.

Однако в деле Пигаля всесословности не наблюдалось. Присяжных словно намеренно отбирали из числа бывших любезников Полины, так что исход процесса казался предрешённым еще до первого заседания.

Также доктору отказали и в гласности, и в состязательности сторон. Город требовал злодея, на которого можно повесить два убийства, — и власть готова была его выдать. Вино-

вен ли он на самом деле, никого не занимало. Улики, способные разрушить обвинение, тщательно скрыли от глаз обывателя. Зато тащили на свет Божий давние грехи Пигаля, его сокровенные тайны и всю подноготную личной жизни. Газетчики-пройдохи с улюлюканьем смаковали подтасованные факты, помогая закону поскорее затянуть петлю на шее невинного.

Москвичи жаждали зрелищной казни, а полиция во главе с доблестным начальником наконец-то могла вздохнуть с облегчением, скормив разъярённой толпе вместо настоящего убийцы случайную жертву. Казалось, Москва разом забыла о манифесте императора, гласившем: «Да правда и милость царствуют в судах».

Над головой доктора сгушались тучи. Он идеально подошёл на роль искупителя чужих грехов, и призрачная надежда на его спасение таяла с каждым днём. Жизнь врача превратилась в разменную монету в политической игре, где приговор был вынесен ещё до начала слушаний.

Но не тут-то было. Дело Пигаля приняло совершенно неожиданный поворот. У бедняги каким-то чудом объявилась сестра, с которой он оборвал все связи десять лет назад. Она была замужем за обер-прокурором Сената. Влиятельная родня не пожелала мириться с позором и наняла Пигалю лучшего адвоката с безупречной репутацией, на чьём счету не было ни одного проигрыша.

В «деле Пигаля» адвокат заявил о себе решительно и сме-

ло. Он без колебаний объявил улики сфабрикованными и первым делом потребовал полностью сменить состав присяжных.

Смелый адвокат был честолюбивым малым, он знал все тонкости своей профессии и намётанным глазом углядел брешь в этом деле, за которую мигом зацепился, и на основании которой начал возводить фундамент защиты.

Про себя он решил, что, если выиграет столь безнадёжное (как многие считали) дело, то взлетит на самый пик своей карьеры и навсегда упрочится на Олимпе московской адвокатуры как лучший правозащитник города, а возможно и всей державы. Это подстёгивало его претенциозные устремления и подогревало раздутое эго.

Он притянул к этому делу старых друзей — именитых профессоров права, прокуроров Сената и лучших юристов, съевших собаку на уголовных судах. Затребовал у статс-секретаря Государственного совета все мало-мальски похожие судебные практики, и в его кабинет на Арбате потянулись стройной вереницей правоведы высшей категории и посыльные с пухлыми папками архивных дел.

Адвокат развязал нешуточную борьбу за своего подзащитного, превратив прессу в главное оружие. Он установил тесную связь с оппозиционными изданиями, регулярно «скармливая» им порции свежего компромата: то отчёты о коррупции в судах, то пикантные подробности о любовниках начальника полиции, то прямые доказательства подлога

улик.

«Колокол» и «Молва» в ответ бесновались, рисуя образ Пигаля как «убийцы века», кровожадного маньяка, погубившего двух юных созданий. О ремесле жертв репортеры умалчивали, выставляя их едва ли не благородными девицами.

Итогом противостояния столичных газет стал раскол мнений, разделивших горожан на два непримиримых лагеря. Одни считали, что судят невиновного, другие упорно придерживались мнения, что доктор и есть Маска смерти.

Адвокат торжествовал: он получил именно то, чего добивался. Каждый день здание судебной палаты осаждали толпы негодующих москвичей, требуя свободы для доктора. Ответственность бунтовала.

Мелкие газетёнки тоже не желали оставаться в тени — они перепечатали выдержки из уголовного кодекса империи, предлагая обывателям новую циничную забаву — угадать, на сколько лет осудят Маску, казнят ли его, и если да, то через расстрел или повешение? Репортеры без устали раздували это пламя, превращая ожидание приговора в захватывающее шоу.

Тем временем, толстенные папки изучались неутомимым адвокатом сутки напролёт. В его кабинете даже ночью не гасили свет. Он работал как заведённый, и в конце концов, когда победа была почти в кармане, вмешался его величество случай.

Один только Бог знает, что пришлось пережить за это вре-

мя Пигалю в каталажке, но судьба его успешно разрешилась. И совсем не тем образом, каким должна была.

Накануне заключительного голосования, когда адвокат мысленно произносил свою блестящую речь, готовясь обрушить на присяжных последний, сокрушительный контраргумент, поставив точку в этом деле, Пигаля неожиданно выпустили на свободу. В этот раз Маска забрал две души.

Путилин

На фоне роста протестных настроений в обществе, московская полиция получила карт-бланш: власти дали разрешение отправлять в ссылку любого, кто вызывал малейшее подозрение, проводить обыски и аресты по своему усмотрению и без согласования с судом.

Москва бурлила от негодования и страха: куда смотрят стражи порядка, почему целая армия жандармов не в силах поймать преступника, запугавшего город? Положение полиции стало катастрофическим после позорного провала с Пигалем.

Оппозиционная пресса, почуяв кровь, не стеснялась в выражениях, в пух и прах распекая «рохлю-начальника» полиции. Лишь «Молва» и «Колокол» заметно поумерили свой пыл; наученные горьким опытом, они осторожно подбирали слова, памятуя о затравленном ими Пигале. Сам же доктор на удивление быстро оправился от своего положения и уже рассылал уведомления о судебных исках всем, кто приложил руку к его публичному распятию.

Генерал-губернатор каждый день пил бром от нервов, лысел и лечил старые боевые раны, которые в последнее время слишком часто давали о себе знать.

Его назначили на должность недавно, после убийства Кузнецовой Любви. Тогда шумихи не было, ему лишь ненавяз-

чиво намекнули, что подобные «инциденты» дурно сказываются на репутации в глазах государя и впредь их стоит избегать. И вот, пожалуйста, спустя месяц новое убийство. Какой безумец посмел посягнуть на жизнь самой желанной и дорогой женщины Москвы?

Генерал-губернатор пребывал в замешательстве. В списке покровителей Полины значились герцог Норфолк и лорд Мэльтрэверс; её расположения искали коронованные особы Англии, Монако и Испании. Черт возьми! Ходили слухи, что её подавали «на десерт» на золотом блюде в закрытом клубе во время ужина в честь дня рождения самого императора.

Да, эта нимфа умела сводить мужчин с ума. Её красота стоила жизни многим, и одного из них генерал знал лично. Его старинный друг, с которым они плечом к плечу прошли Крымскую кампанию и выстояли в морском бою против турецкого «Перваз-Бахри», пустил себе пулю в лоб, так и не добившись благосклонности этой женщины. Любовники осыпали её бриллиантами и золотом, а один чудака и вовсе завещал ей замок в Приднестровье. Кому он теперь достанется?

Градоначальник тоже лишился сна. Он ужасно боялся слететь со своего места, и поэтому следил за ходом расследования с дотошностью обречённого. По собственной инициативе он ежедневно являлся в полицейскую канцелярию в Столешниковом переулке, требуя отчётов о поимке преступника.

А генерал-полицмейстер Путилин, заведующий полицией

и командир Отдельного корпуса жандармов, пребывал в бешенстве. На него, подотчётного лично Кабинету министров, давили с разных сторон! И он ничего не мог сделать. И губернатор, и градоначальник, и даже собственная жена изводили его каждый со своей позиции.

Путилин пережил столько унижительных мгновений, что возненавидел душегуба лютой ненавистью — так ненавидят убийцу собственных детей. Если бы негодяй попался ему в руки, он, не задумываясь, придушил бы его на месте. Он не раз представлял, как его пальцы сдавливают горло хрипящего в конвульсиях безумца.

Также он был готов в клочья растерзать хваткого журналюгу из бульварной газетёнки. Сукин сын раскопал сведения, что лично он сам, почётный генерал-полицмейстер, благородный муж и отец четверых детей, тайно посещал убиенную Полину! Жена устроила страшный скандал, в министерстве вкатили строгий выговор и пообещали отставку, если убийца в кратчайшие сроки не будет пойман.

И всё из-за гада-убийцы! Так бы и дальше грешил себе потихому начальник полицейского управления, получая удовольствие от радостей жизни, но нет! Проклятый душегуб всё испортил. Кто этот сукин сын такой?! Что о себе возомнил? И газетчик, сволочь, посмел бросить тень на его мундир, пронюхал про отчёты Полины. Откуда у мелкой сошки доступ к таким бумагам?..

Генерал-полицмейстер сидел в домашнем кабинете за

большим столом. Облокотившись на полированную гладь и запустив пальцы в редеющие волосы, он с ненавистью сверлил взглядом мятые листки. За два дня он выучил наизусть то, что там написано. Корявым, полудетским почерком Полина старательно задокументировала их встречи, не утаив ни одной постыдной подробности.

Она со смехом описала маленькую интимную проблему Путилина, о которой тот хранил угрюмое молчание со времён Крымской компании. Шальная пуля дурака-турка лишила его одного... хм... в общем того, что у здорового мужчины имеется в количестве двух штук, необходимых для воспроизведения здорового потомства.

А ещё Поля всласть поглумилась над его особенностью икать сразу после близости. Много интересного прочёл о себе Путилин. Он багровел и зверел, представляя, что было бы, попади этот отчёт на первые полосы газет.

Наверное, без Сусанки не обошлось! Её рук дело. Жадная стервь из всего извлечёт выгоду. А ведь он сам дал ей приказ собирать эти проклятые досье! Надо же было как-то сдерживать не в меру зарвавшихся нуворишей и выскочек. Разве он мог подумать, что Сусанка и на него заведёт папку! Слава Богу, отчёт удалось вовремя перехватить.

Хотя, если поразмыслить, какой смысл мадам продавать Полькины каракули? Куш невелик, а ссориться с начальником полиции — чистое самоубийство. Рука, как говорится, руку моет. У них всегда было обоюдовыгодное сотрудниче-

ство. «Странно всё это», — мрачно заключил Путилин, понимая, что в этой мутной истории концы в воду спрятаны слишком глубоко.

А девушку искренне жаль. Эх, Полина, Полина... Он вспомнил, как она принимала его в бледно-розовом платье из тафты, оттенка «малиновый лёд». Он не единожды бывал у кокотки. Запав на прелести юной девы, главный полицмейстер превратился в одного из самых преданных её обожателей. Не далее как на Рождество он лично преподнёс ей корсет работы Картье, отделанный драгоценными камнями и заказанный специально в Париже.

И тут — снова убийство! Двойное! Итого: четыре трупа на один лупанарий. Это уже, знаете ли... за гранью! Такого позора начальник полиции не испытывал никогда за время своей службы. Его трясло от злобы и бессилия. Он не знал, что предпринять в такой ситуации.

Серия преступлений потрясала неслыханной дерзостью. Злодей действовал не под покровом ночи, а при свете дня, издеваясь над жандармским корпусом. Это делало негодая в глазах народа чудовищем, способным на любое безумство. Впрочем, оно уже свершалось. Разве не признак сумасшествия — отнимать жизнь у себе подобных?

Главный полицмейстер сознавал, что они столкнулись с хитрым, расчётливым психопатом, который, вероятнее всего, занимает высокое положение в обществе.

Как же ему хотелось самолично сорвать маску с лица него-

дзя! Увидеть, кто так нагло орудует в вверенном ему городе. И среди москвичей не осталось ни души, кто бы со страхом и замиранием сердца не задавался вопросом: когда же Маска нанесёт следующий удар?

Маска

Только одному человеку было всё равно. Его не интересовали разговоры об убийствах.

Алексей Максимов отодвинул портьеры и уставился в окно. Скучное, серое небо нависло над Москвой. Мороз сковал землю, украсив деревья тонкой лентой инея. Наступало зимнее утро.

Алексей задумчиво разглядывал бронзовую балюстраду храма Христа Спасителя. Страх перед опасностью быть разоблачённым давно отпустил его сердце, уступив место необъяснимой досаде, мешавшей сосредоточиться на обычных делах.

Засучив рукава рубахи, он ополоснулся ледяной водой из рукомойника, тщательно вымыл шею и долго промокал лицо жёстким полотенцем, опрыснутым его любимой фиалковой водой.

Последние дни его не покидала мысль: что дальше? Приступ, кажется, отступил, настало время подумать о будущем.

Взгляд банкира задержался на «Жизни двенадцати цезарей»³ — его настольной книге, давно заменившей Библию.

³ «Жизнь двенадцати цезарей» — знаменитый труд древнеримского историка Светония (II в. н. э.), представляющий собой сборник биографий римских диктаторов и императоров от Юлия Цезаря до Домициана. Книга подробно описывает закулисную изнанку верховной власти, заговоры, дворцовые перевороты и пороки правителей, став классическим руководством по политическому ци-

Он читал её на сон грядущий и вместо утренней молитвы, возведя в личный закон предостережение Светония: «...Чем больше за тобой побед, тем меньше следует полагаться на случай, ибо никакая победа не принесёт столько, сколько способно отнять одно поражение».

Он не помнил того часа, когда в его мозгу созрела идея — убить женщину. Скорее всего, это случилось в годы юности. Зато он отчётливо запомнил день, когда в его руки попал первый экземпляр «*De vita Caesarum*⁴». Ему едва исполнилось пятнадцать, когда в полумраке отцовской библиотеки он наткнулся на увесистый том в потрескавшемся кожаном переплёте.

Алексей жадно вчитывался в страницы, пахнувшие пылью и старой бумагой. Тогда юный Максимов усвоил, что величие цезарей измерялось не только захваченными землями, но и абсолютной властью над чужой плотью — правом безнаказанно причинять боль и превращать человеческую жизнь в прах ради мимолётного каприза.

В тот день звуки внешнего мира перестали для него существовать. Описания безумств древних правителей, их безразличие к чужой жизни и право на любую жестокость перевернули всё в его душе. Именно тогда в нём проснулось тёмное, ненасытное начало, которое он долгие годы скрывал под маской благопристойности. Светоний подарил ему право на

низму.

⁴ *De vita Caesarum* — «Жизнь двенадцати цезарей» (лат.).

собственное, никем не ограниченное зло.

Тот, первый экземпляр был безвозвратно утерян. А в книге, что сейчас занимает почётное место на его столе, отдельные пассажи — самые интересные, разнузданные и оттого необычайно ценные — заменены многоточиями.

Но, к счастью, он не забыл, что скрывается за столь неудачной попыткой цензуры спрятать от алчущего ока вожаденные строки. Он знал их наизусть. Некогда они разбудили в нём бесстыдный разгул запретных желаний. Долгие годы похотливость Максимова, не знавшая сытости, таилась на дне его глубоко помрачённого сознания. Но теперь он освободился от невидимых пут, и наконец позволил себе вкусить запретный плод, который так долго и жадно взращивал в своей душе.

Одно время Максимов честно пытался вырвать из себя пагубную страсть, снедавшую измученные мозги дикими желаниями. Осознавая, что стоит на краю пропасти, он начал посещать известного доктора, практиковавшего новомодную психологию. Седовласый док, чей опыт ограничивался изучением нервных припадков у скучающих дам, привык измерять интенсивность ощущений лишь силой внешних стимулов.

Когда Максимов неосторожно открыл ему свою тайну, док оказался не готов к подобному откровению. Алексей признался, что в юности, распаляя воображение оргиями Тиберия и Калигулы, он заразился идеей насиловать, истязать и

лишать жизни.

Одержимость то затихала, то разгоралась с новой силой, пока не достигала мучительного пика. И тогда в душе Алексея восставал зверь, жаждавший крови. Им овладевало желание растерзать продажную, погрязшую в грехе девушку, чья смерть подарила бы ему неведомое доселе наслаждение, ставшее в последнее время пугающим наваждением. В такие моменты ему стоило колоссальных усилий не сорваться, не выскочить на ночную улицу и не затащить припозднившуюся девицу в глухую подворотню.

Док был поражён исповедью пациента и не нашел ничего лучше, как прописать в качестве профилактики дыхательную гимнастику, бром и хинин — бесполезную чушь, годную разве что для престарелых подагриков.

Надо признать, поначалу упражнения давали Алексею иллюзию контроля. Но после первого убийства утратили всякий смысл.

Последние полгода жизнь банкира превратилась в изнурительную борьбу с самим собой. Ему стоило тяжких усилий не потерять самообладание. Когда в Мёдоне он услышал о помолвке Саломеи с проходимцем Грозовым, его свалил нервический припадок.

Приступы мучали его с детства. Стоило событиям выйти из-под контроля или принять нежелательный оборот, как Алексея буквально подкашивало, погружая в беспамятство на несколько дней.

Впервые это произошло, когда ему было восемь лет. Он навсегда запомнил тот день: грязный загон, где свиньи, погружая рыла в помои и собственные нечистоты, метались в тесном пространстве. Всеядные твари тёрлись друг о друга, о стены сарая, и жрали, жрали, жрали... Они вселили ужас в сердце мальчика.

Детский разум жадно впитывает всё вокруг: ему всё удивительно и манко, всё его ошеломляет и будоражит. Он верит в сказку и по-своему объясняет любое непривычное явление. Дитя открыто миру, его помыслы ещё не замутнены предрассудками — оно склонно скорее радоваться всему новому, впервые увиденному, чем страшиться неизвестности.

С Алёшей всё было иначе. Никогда прежде не выдавший свиней, он содрогался от омерзения. Мальчик стоял у невысокого тына, ограждавшего баз, и его вырвало прямо за забор. Когда одна из свиней подбежала и стала поедать рвотную массу, ребёнка охватило необъяснимое волнение. Он бежал прочь, не разбирая дороги, а к вечеру слёг в тяжелой горячке. С того дня подобные припадки возвращались вновь и вновь.

Максимов тяжело мирился с потерей Саломеи. Она была его пунктом, его Альфой и Омегой. Только с ней он связывал своё будущее, и ни одна другая женщина не имела права занять место подле него.

И вот в его изнуренном болезнью мозгу созрел план — расстроить свадьбу. Самым верным оружием казался ком-

промат. Не скупясь на расходы, банкир нанял лучших ищек, приказав им буквально вывернуть наизнанку жизнь Громова.

Шпики следовали за Савелием по пятам, фиксируя каждый его шаг. Они ковырялись в прошлом жилиевца, жадно ища зацепку, которая опорочила бы его в глазах князя. Но репутация Громова в целом казалась безукоризненной. Никаких связей с замужними дамами, сомнительных сделок, развратных оргий. Придаться было не к чему, разве что к регулярным визитам в Торжок. Это вряд ли расстроит свадьбу, но всё же сей факт стоило взять «на карандаш».

Максимов уже готов был сдаться, но за две недели до свадьбы шпики принесли долгожданную весть: Громов наведалься в заведение Сусанны Монблан.

Изумлению банкира не было предела, но не потому, что Громов ходит к продажным девкам — в этом мире мало кто безгрешен, — а потому что сам Алексей Иванович был всегдашем Сусанкиного лупанария. Надо же, какое совпадение! Впрочем, если рассуждать здраво, ничего удивительного. Приличных заведений подобного рода не так уж много. Два в Петербурге и одно в Москве, где под крышей мадам Сусанны давали волю своим фантазиям местные толстосумы, титулованные особы и заезжие богачи.

Переступая порог заведения, Алексей Иванович никогда не забывал про осторожность и всегда надевал маску — упаси Бог выдать свою связь с миром греха. Впрочем, его соб-

ственное это отработывало этот компромисс безупречно: себя Максимов полагал существом высшего порядка. Он не грешил — он снисходил. Он не опускался до скотского блуда, ни разу пальцем не прикоснулся к этим девкам ради плотской утехы — подобная низость вызывала у него лишь тошноту. Его визиты были совсем иного рода. Максимов взял на себя суровый труд бичевать и карать. Сквозь прорези в чёрном шёлке он смотрел на вертеп свысока, чувствуя себя грозным судьёй, исполняющим священную миссию. Он являлся сюда как карающая десница, чтобы наказывать увязший в пороке мир.

Шпики разнюхали, что жиливец развлекается с прекрасной Полиной. Максимов понял, кто это. Недавно он столкнулся с ней на лестнице. Чёрт, да это та самая девица, что видела его без маски! Единственная во всём борделе! И надо же именно ей оказаться громовской шлюхой! Когда-то Максимов и сам хотел снять её, но узнав цену, передумал. И не потому, что не имел возможности, совсем нет, денег у него было хоть отбавляй, а потому, что посчитал неразумным. Шлюха она и есть шлюха. Ни одна из них не стоила больше сотни, что бы там ни плела госпожа Монблан.

Что ж, новость про Громова была хороша, и главное — как нельзя кстати. Скоро свадьба, и Максимов надеялся удивить князя неприятным сюрпризом. Каков жених! Его ждёт невеста, самая прекрасная из всех ныне живущих дев, чистая, светлая, непорочная Саломея, а он шляется по прито-

нам. Но ничего, этот выскочка своё получит! Надо только правильно разыграть эту карту перед Дадиани.

А вопрос с громовской девкой следовало в скором времени закрыть. И Максимов уже знал как.

* * *

Как случилось, что он не смог вовремя остановиться?..

Он не собирался убивать рыжую Любку. Он просто не рассчитал удар. Рука сорвалась, перейдя черту между карой и казнью. Это было не намеренно, и он сразу осознал весь ужас содеянного. С чувством гадливости смотрел он на сырые и липкие пятна на костюме, на мокрое месиво на полу, в котором невозможно было признать некогда живого человека.

Как далеко он зашёл и как низко пал! Заигрался, дружок, границ не почуял. Видит Бог, он не хотел её убивать, всё вышло случайно: он просто потерял над собой контроль.

А ведь он всегда боялся, что этот день настанет. Боялся и тем не менее сгорал от желания терзать, калечить, и в конце концов убить, глядя в глаза агонизирующей жертве.

И вот злодеяние свершилось. Всё то, о чём он грезил долгими ночами и размышлял при свете дня, наконец, стало явью и придавило его неопишущим ужасом. Хотя он и получил то блаженство, которого алкал, вид обезображенного трупа с вытекшим глазом, раскуроченного и жалкого в своей наготе, вызвал в нём отвращение. Осознание, что это его рук дело, было невыносимым. Банкир почувствовал приближение приступа.

Тем же вечером, забившись в угол гостиничного номера, Максимов беззвучно выл. Он сидел на кровати, обхватив голову, и монотонно гонял по кругу одни и те же мысли. Что делать? Как не сойти с ума и куда бежать? Да и стоит ли? От себя не убежишь, что сделано, того не поправить. «Господи, как Ты допустил это?!» — вопрошал он пустоту. Он, отпрыск знатного дворянского рода, наследник крупных финансовых кластеров — убийца! Что сказал бы отец, будь он жив? Отныне он — чудовище, навек осквернившее своё имя. Сидя на краю кровати, Алексей раскачивался из стороны в сторону, пытаясь убаюкать невыносимую боль в своей душе.

Ночью его свалил приступ. Максимов лежал в пустом номере, сгорая от жажды и задыхаясь от сухого кашля. Липкий, холодный пот пропитал простыни, горячка терзала его три дня подряд. На четвертое утро он, словно по волшебству, поднялся с постели, чувствуя внезапный прилив сил, и первым делом принял горячую ванну. Он стремительно шёл на поправку.

Из этой болезни вышел совсем другой человек — тот, кто признал свою тьму и позволил дьяволу взять власть над своей душой. От недавнего отчаяния не осталось и следа. Он словно переродился. Мучительная лихорадка стала точкой невозврата, чертой, за которой прежний Алексей Иванович навсегда исчез, уступив место существу, находившему в праве на чужую смерть высшую форму свободы.

Мысли о том, что его найдут, преследовали банкира неот-

ступно. Каждую секунду он ждал, что за ним придут. Он безвылазно сидел в номере и с замиранием сердца прислушивался к шагам в коридоре. Алексей Иванович боялся показаться в ресторане и заказывал еду в номер. Аппетит у него был отменный, вероятно, с нервов, как решил он сам. Ему хотелось узнать, что там на улицах, как Москва отреагировала на преступление? Ему казалось, стоит переступить порог отеля, как прохожие начнут тыкать в него пальцами, выкрикивая: «Убийца! Лови его!» Коридорный, как назло, не приносил газет, а сам Максимов не смел его просить. Он был убежден: стоит лишь заикнуться о свежей прессе, как лакей мгновенно раскусит его.

Прошла неделя. Никто за ним не пришёл. В газетах, которые разгильдяй коридорный всё-таки соизволил принести, ничего не было об убийстве.

Максимов продлил добровольное заточение ещё на два дня. Потом на его имя пришло письмо. Коридорный, каналья, до смерти напугал его, доставая конверт из засаленного жилета.

Писал поверенный, управлявший делами банка: неотложные проблемы требовали немедленного возвращения Алексея Ивановича в Петербург. Это известие вызвало в душе Максимова странную смесь облегчения и тревоги. С одной стороны, дела звали его прочь отсюда, с другой — ему мучительно хотелось знать, как продвигается расследование, какие меры приняты властями и насколько близко они подо-

брались к истине.

Покидая гостиницу, Максимов кое-что вспомнил и походилел. Сусанна! Она знает, что это сделал он! Господи, она знает!.. Алексей лихорадочно пытался восстановить в памяти те минуты. Был ли он осторожен? Кажется, да. Маска плотно прилегала к лицу, поля шляпы скрывали волосы и шею — узнать его было невозможно. Но вдруг он что-то упустил? Малейшая деталь, случайный жест... Впрочем, если жандармы до сих пор не выломали дверь его номера, значит, мадам предпочла молчать. Но, с другой стороны, что она могла им сказать? Что к ней заглянул странный гость в маске? Пусть ищут этот призрак, век искать будут. Его мучил лишь один вопрос: могло ли что-то указать именно на него, на Алексея Максимова? Изнуренный бесплодными попытками вспомнить детали того дня, он в последний момент велел извозчику повернуть на Тверскую.

В тот день Сусанна приняла из рук Маски пухлый конверт, скрепив их сговор молчаливым согласием. Мадам прекрасно понимала, что становится соучастницей. Но сильнее страха перед законом её удручала мысль, что для человека в маске она превратилась в смертельно опасного свидетеля.

* * *

До середины декабря банкир уладил дела в банке, неделю потратил на зимние развлечения и покупку рождественских подарков и, уложив дорожный саквояж, двинулся обратно в Первопрестольную. Его словно магнитом влекло в Сусанкин

лупанарий. Вновь и вновь он прокручивал в памяти сокрушительный миг, когда оборвал чужую жизнь.

Почему убийца возвращается на место преступления? Вероятно, хочет убедиться, что содеянное не было дурным сном, или проверить, не оставил ли случайную улику. Искушённые злодеи вряд ли вернутся, но неврастеники и маньяки — почти наверняка. Им необходимо вновь ощутить власть над чужой жизнью.

В этот раз он потребовал у Сусанны ключи от комнаты Любы. Оставшись один, Максимов медленно прошёлся от окна к двери и замер в центре — там, где прежде стояла ширма. Прикрыв глаза, он воскресил в памяти страшные минуты, испытывая при этом необычайное возбуждение. Утолив потребность в разрядке, он привёл себя в порядок и бесшумно покинул комнату, плотно затворив дверь.

Поздно вечером, лёжа в постели гостиничного номера, Максимов вновь погрузился в сладострастные грезы. Но теперь на месте Любы его воображение рисовало ту самую красавицу, с которой он столкнулся на лестнице. «Жаль, что она видела моё лицо», — пронеслось в его голове.

А на следующее утро от шпиков он узнал, что Громов частый гость лупанария мадам Монблан.

* * *

Алексей Иванович вернулся в Петербург на Рождество. Не заезжая домой, он приказал вознице гнать к Английской набережной. Ему не терпелось выложить князю всю подно-

готную о похождениях будущего зятя. Сидя в санях, он довольно ухмылялся, предвкушая, как «взрывоопасное» досье уничтожит репутацию купчишки.

Однако поговорить с Бежаном Джамали в тот раз так и не удалось. Сначала это дурацкое опоздание: Максимов вошёл в гостиную, когда гости уже расселись по местам. А за столом жиливец засёк, как жадно Алексей тарасился на Саломею. Поэтому, когда старый дурак Лаваль наделал скандал, Максимов предпочёл не искушать судьбу и незаметно убраться восвояси. Связываться с Грозовым было чистым самоубийством — тот спустил бы с него шкуру при первой же попытке оправдаться. «Ладно, — решил Алексей Иванович, — приеду через пару дней. Время есть».

За неделю до венчания Максиму всё же удалось поймать князя. Но разговор пошёл совсем не по сценарию банкира. Даддани снисходительно отмахнулся от улик и, не желая обсуждать будущего родственника, просто сунул ему билет на церемонию. Князь ясно дал понять, что житейские пустяки никак не расстроят выгодную партию. Даже если допустить, что в словах банкира есть доля истины, для старого аристократа это не было чем-то из ряда вон выходящим. «Ты, Алексей Иванович, не тревожься, — проговорил старый лис, отечески похлопав его по плечу. — Если что — мы сами, так сказать, внутрисемейно разберёмся. Ступай с Богом, батюшка... Да! И не забудь: Саломея обожает розы. А то ты как-то хризантемы прислал, они ей не по нраву...»

Максимов покинул особняк взбешённым. Его план с треском провалился.

* * *

Полина была обречена дважды. Её близость к Громову стала искрой, которую поднесли к пороховому погребу. А яд, вскипевший в Максимове после венчания Саломеи, стал детонатором. Банкира окончательно переклинило, и он превратился в бешеного пса, ищущего чьё-то горло, чтобы вцепиться мёртвой хваткой и разорвать его в клочья. Уязвлённое тщеславие породило такую ярость, что ему потребовалось немедленно пролить кровь, дабы не задохнуться от бесильной злобы.

Извести врага, уничтожить. Стереть в порошок. Максимов засыпал и просыпался с мыслью, как швырнёт Громова на самое дно — туда, откуда тот поднялся к княжескому гербу. Но ударить открыто он не смел: жиливец переломит его как щепку. Застрелить его — безумие. Мигом найдут и потащат в острог, а ломать себе жизнь ради этой твари банкир не собирался. Гордыня требовала раздавить выскочку. Руки чесались подкупить беглого каторжника или бродягу-головореза, чтобы тот в уличной толпе ткнул Громова ножом. В своём воображении Максимов часами смаковал эту сцену, сладостно замирая над трупом врага. Но для осуществления этих прожектов не было времени.

На следующий день после свадьбы молодые покинули Петербург, не оставив Максиму выбора. Он пустился следом,

и по приезду в Москву в его воспаленном мозгу созрел план.

Удар был нанесён то время, когда новоявленный муж сидел в трактире.

Максимов понимал, что убийство Полины прогремит на всю Москву, и намеренно выбрал день отъезда Громовых, чтобы жиливец заметался как мотылёк в сачке, подёргался, чтобы его так трясло от безысходности, как самого Максимова на их свадьбе.

Результат превзошёл ожидания безумца. Кто мог подумывать, что хитрый Громов решит напоследок позабавиться со своей крошкой-шлюхой? А иначе зачем он в день отъезда припёрся на Тверскую и засел в кабаке напротив борделя?

В это самое время Максимов, стоя у окна и глядя на пьющего водку Савелия, резал горло Полине.

— Смотри! — шептал он рыдающей девушке, вырывающейся из тисков безумца. — Вон там твой хахаль! Смотри на него, я сказал! Он пришёл развлекаться к тебе, грязной девке, чтобы потом, осквернённым, вернуться к жене. Я не позволю, чтобы на Саломее осела хоть одна твоя поганая молекула. Сдохни, тварь!

Позже, укрывшись за эстакадой, Максимов наблюдал за Громовым, как тот стоял в толпе — бледный, без шапки, с потемневшими от горя глазами, и смотрел на бездыханное тело. Убедившись, что финал разыгран точно по его сценарию, Максимов вернулся в гостиницу.

Француженка

Алексей Иванович со смехом листал газеты, забавляясь злоключениями доктора Пигаля, но впадал в ярость, натыкаясь на заносчивые заголовки, типа: «Убийце недолго гулять на свободе! Лучшие сыщики Москвы идут по его следу», или «Маску смерти заранее приговорили к виселице, суда над ним не будет».

Но более всего самолюбие злодея коробили нелепые догадки прессы. Бумагомараки, не жалея красок, писали, что «резать девок горазд разве что конюх или оборванец с Хитровки⁵», и преступник «наверняка выходец из низшего социального слоя», — дескать, только черни ведома такая подлая жестокость. Наткнувшись на строчку о том, что под подозрение попал поломойщик из соседней конторы, он отшвырнул газету. Его деяния приписали скоту с тряпкой! Он негодовал! Подобные заметки хоть ненадолго, но портили ему настроение и лишали аппетита. Да что они понимают, эти дешёвые кропатели сенсаций!

Банкир решил задержаться в Москве ещё на пару недель, чтобы из первого ряда понаблюдать за финалом этой трагикомедии. Было любопытно: оправдают ли несчастного Пига-

⁵ **Хитровка** (Хитров рынок) — район в центре Москвы XIX века, пользовавшийся дурной славой. Место сосредоточения ночлежных домов, притонов, нищих, беглых каторжников и уголовного мира.

ля? И на кого ещё доблестные стражи порядка попытаются свалить вину? В том, что полиции не под силу выйти на его след, Максимов не сомневался. Так продолжалось вплоть до того дня, пока в одной из газет не появилась статья с кричащим заголовком: «Мадам Монблан нарушила молчание».

Мелодраматичный очерк, занимавший всю первую полосу, произвёл эффект разорвавшейся бомбы, и Максимов впервые почувствовал, как вокруг его шеи начинает затягиваться невидимая петля.

Прочитав, он едва не лишился рассудка. С пожелтевшей, Бог весть откуда выуженной гравюры на него смотрело лицо Сусанны Монблан. В своей исповеди она сокрушалась о горькой доле содержательницы притона, а в финале читателей ждала сенсация — небывалое разоблачение «из первых рук». Госпожа Монблан рассуждала о «Маске смерти», строя гипотезы о том, кто может скрываться под личиной зверя, и заявляла о готовности признаться в соучастии!

«Более двадцати лет я соержу приют для заблудших душ в Т.....ом переулке. Сама я коренная француженка, дитя окраин Сен-Марсо, волею жестокой судьбы оказавшаяся в России. Мои родители были простыми людьми: мать — штопальщицей, отец — мелким торговцем и разносчиком.

Жизнь моя протекала буднично, однообразно, из развлечений — балаган за крепостной стеной, куда мы с подружками бегали по воскресеньям, да танцы под открытым небом близ рощи Роменвиля, под сенью которой было сорвано

столько нежных поцелуев! С трогательной грустью вспоминаю я времена безвозвратно ушедшей юности, светлую пору, когда жизнь, полная обещаний, сулила впереди лишь бесконечное счастье.

Моя семья не знала роскоши, но я всегда была сыта и платья мои сияли чистотой и опрятностью. Когда мне исполнилось шестнадцать лет, отец скоропостижно скончался. Говорили, что виной тому стал русский офицер, избивший папашу за то, что тот не уступал ни сантиметра за бутылку «Шардоне». С той поры жизнь моя круто переменялась...»

Далее Сусанна говорила, что мамаша с горя запила и с каждым днём опускалась всё ниже, не в силах заботиться о дочери. Девочка видела, как нужда безжалостно стирает в человеке остатки достоинства, но не винила мать, понимая, как той тяжело. Ведь с потерей кормильца их жизнь превратилась в ежедневную борьбу за кусок хлеба.

В её душе боролись жалость и стыд, когда она видела мать — прежде опрятную женщину — у паперти, в замызганном платье и рваном платке. Та выпрашивала милостыню и часто возвращалась домой навеселе.

Однажды Сусанне пришлось просить подаяние вместо мамы: та слегла с воспалением, а денег на лекарства и пропитание не было. Девочке удалось насобирать несколько франков, но в конце дня случилась неприятность: кто-то швырнул в неё булыжник, угодив в плечо. От невыносимой боли девочка рухнула на мостовую и заплакала, проклиная

свою жизнь и тот день, когда родилась на свет. Поэтому, когда около неё, измученной и униженной, вдруг возник бравый русский офицер, галантно подавший руку, она не устояла и приняла приглашение сесть в его экипаж.

Штабс-капитан лейб-гвардии Шадров, двадцативосьмилетний повеса и завзятый волокита, гостивший в Париже в доме своего отца, стал от нечего делать ухаживать за юной француженкой. Он был хорош собой, светловолос, плечист, прекрасно изъяснялся на французском, а его фатовства и самовлюблённости хватило бы на целый полк.

Шадров закружил девушку в вихре соблазнов: водил в рестораны, где под аккомпанемент скрипок красиво изъяснялся в любви, катал в экипажах, возил на шумные кутежи в гарсоньерки⁶. Юная Сусанна, разомлев от внимания и подарков, искренне поверила, что её мечты о счастье нашли воплощение в этом молодом усаче. В её наивной душе пробудились радужные надежды на будущее, которое прежде сулило лишь беспросветную нищету.

Она и представить не могла, что для Шадрова она была лишь очередным мимолетным увлечением, забавным капризом, который он подобрал на мостовой от нечего делать. Доверчивость сыграла с ней злую шутку — она без оглядки влюбилась в офицера и отдалась ему через неделю знаком-

⁶ **Гарсоньерка** (фр. *garçonnière*, от *garçon* — холостяк, парень) — небольшая съёмная квартира, которую молодые неженатые мужчины содержали отдельно от родительского дома для кутежей, встреч с друзьями и тайных свиданий.

ства, поддавшись на пустые обещания «вскорости жениться».

Их свидания продолжались до сентября, пока штабс-капитану не пришло время возвращаться на родину. К тому моменту Сусанна носила под сердцем его ребенка.

В действительности, женитьба на безродной французской нищенке никогда не входила в планы Шадрова. Более того, когда он узнал о её беременности, последние капли напускного обожания испарились — он мгновенно потерял к девушке всякий интерес.

Лишь после долгих молений и унижительных слёз он снизошёл до неё: согласился взять с собой в Россию, но только на правах сожительницы, без всяких обязательств. Девушка ухватилась за эту соломинку и принялась готовиться к отъезду, заранее смирившись с постыдной ролью.

Накануне отъезда, помогая Шадрову разбирать бумаги, Сусанна наткнулась на пожелтевшую расписку французской полиции — протокол о «применении силы к мелкому торговцу». «Фигурант — штабс-капитан лейб-гвардии Шадров». В графе «потерпевший» стояло имя её отца.

Тот, кого она любила, был человеком, чьи кулаки разрушили её прежнюю жизнь. Сусанна вернула листок на место. Она решила, что он никогда не узнает о её находке. В её душе родилось странное, болезненное смирение. Роковая правда не повлияла на решение уехать с ним и не умалила её чувств ни на йоту. И впоследствии, даже в самые горькие минуты

их недолгого союза, она ни разу не обмолвилась об этом.

По приезде в Москву Шадров стал кутить напропалую. Беременность Сусанны раздражала его, он тяготился девушкой и наотрез отказался вводить её в свой круг. А когда Сусанна родила, Шадрова призвали на службу в Тарский уезд. Он без колебаний собрал вещи и исчез из её жизни, оставив насмерть перепуганную француженку с младенцем в чужой стране и без гроша в кармане.

Для молодой матери начались дни, полные изнурительного труда и унижения. Она нанялась прислугой в богатый дом, где хозяйка, напустив на себя вид благодетельницы, выделила ей тесную каморку под самой крышей. Сусанне дозволялось находиться там лишь в редкие часы, когда она не была занята бесконечным мытьём посуды и уборкой господских комнат.

Вскоре выяснилось, что сердечность хозяйки была лишь удобной маской. На пару с чопорной, иссохшей экономкой Матильдой они установили в доме режим строжайшего надзора: слуги ходили по струнке. На кухне Матильда превращалась в цербера. Её колючие, злые глаза караулили каждое движение прислуги. Она точно знала, сколько дров ушло в печь, кто просыпал щепотку соли или утаил грошовый огарок. Расплата за проступки следовала незамедлительно — экономка нещадно била провинившихся по рукам тяжёлой деревянной мутовкой, а после вычитала убытки из их скудного жалованья. Ничто не ускользало от её цепкого взгляда.

Сусанне выдавали крохотный паёк, рассчитанный на двоих, но она всё до последней крошки отдавала своей дочке, оставаясь голодной. Ребёнок не получал молока в нужном количестве, и Сусанна с замиранием сердца следила, как тают силы малышки. Немного хлеба и кислый чай с чёрствой булочкой — вот и всё, чем обычно приходилось довольствоваться бедняжкам. Мать размачивала сухари и терпеливо скармливала их полугодовалой девочке, с ужасом гадая, сколько ещё они протянут на таких харчах.

Украсть хоть что-то на кухне было немыслимо — там Матильда. А хозяйское жалованье было настолько мизерным, что его едва хватало на стакан сливок и немного свежей выпечки. Драгоценные сливки Сусанна бережно растягивала на три дня, не позволяя себе сделать ни единого глотка — всё до последней капли предназначалось малышке. Никто не переступал порог их тесной каморки, кроме сердобольной кухарки, украдкой приносившей для ребёнка немного молока.

Судьба Сусанны Монблан могла сложиться иначе, не случись однажды непоправимой беды.

В крошечной конуре под крышей постоянно гулял сквозняк, выстуживая углы. Отчаявшись, девушка выпросила у дворника немного пакли, чтобы законопатить щели в стенах, но тщетно. Ветоши едва хватило на северную стену, и ветер продолжал хозяйничать в убогом жилище.

Когда девочке исполнился год, она заболела. Приглашённый доктор лишь покачал головой: жар и надсадный кашель

не оставляли сомнений — у малытки воспаление лёгких. Истощённое дитя не смогло сопротивляться недугу и угасло за неделю.

После страшной потери для Сусанны не осталось смысла жить. Из петли её вытащила кухарка — единственная в доме, кто относился к молодой француженке с материнской нежностью. Она отчаянно хотела вернуть девушку к жизни, не давая ей утонуть в своём горе.

— Милая моя, всё в руках Божьих, — шептала она, прижимая к себе рыдающую Сусанну. — Стало быть, так надо.

Кухарка каждый день приходила в каморку. Она садилась на край кровати, гладила девушку по голове и без конца утешала, надеясь расшевелить несчастную. Сусанна молча слушала, и что-то в ней ломалось. В душе её очень скоро воцарилась звенящая пустота. Смерть дочки выжгла дотла тёплые, человеческие чувства. Мир вокруг казался ей злым, голодным и беспощадным.

Она начинала познавать свой век и понимать, в какое время ей довелось родиться. Девушка погрузилась в задумчивость и проводила дни, лёжа в каморке. Со стороны могло показаться, что у неё меланхолия, но это было не так. Сусанна тщательно искала способ переломить судьбу, упрямо пытаясь нащупать выход из своего жалкого положения.

Хозяйка милостиво дала ей короткую передышку, чтобы та могла оплакать своё дитя. Но о том, чтобы и дальше оставаться прислугой в этом доме, не могло быть и речи. Она ра-

ботала здесь только из-за дочери. А теперь все нити порваны. Пришла пора перекроить жизнь по иной мерке.

Два рубля, взятые в долг у кухарки, пошли на тряпки с Сухарева рынка: полинялый лиф, выставявший напоказ грудь, и кричащую шёлковую юбку. Кутаясь в поношенный салоп, она впервые ступила на Тверской бульвар с уверенностью искушённой блудницы.

Дно московской жизни быстро обтесало француженку. Сусанна терпела грязь мостовых ради одной цели — ей требовались деньги на собственное дело, а другого способа быстро обогатить бесправную иностранку, в Москве не водилось.

Привыкнуть к ремеслу стоило огромных усилий. Ложась каждый раз под нового кавалера, Сусанна помнила, что это не навсегда. Не от отчаянья она вышла на панель, а с трезвым расчётом — выстоять любой ценой и однажды заставить этот город заплатить по счетам.

Скопленных за три года денег хватало, чтобы переписать правила игры и стать хозяйкой борделя. Но сначала она закрыла старый долг перед самой собой — отправилась во Францию. Жизнь в России оказалась для неё сущим адом, и поездка в родной Сен-Марсо была нужна просто чтобы прийти в себя и вспомнить, кто она такая. Чем тяжелее становился её кошелёк, тем невыносимее тянуло её в родные места.

В Париже она рассчитывала отыскать подходящих для ге-

шефта юных парижанок, мечтающих о лёгкой жизни. Но прежде чем открыть охоту, она дала себе передышку. Пройтись по старым кварталам, смыть московскую хмарь и вдохнуть вкус прежней жизни — вот всё, чего она желала в первые дни. Она бесцельно бродила по родному предместью, жадно впитывая знакомые с детства запахи и виды. Эти улочки были единственным, что она вспоминала московскими зимами, спасаясь от безумия.

Свернув наконец к родному дому, Сусанна застала его пустым. Соседи рассказали, что мать сначала отправили в тюрьму, а оттуда в рабочий дом.

Обыск в чулане принёс неожиданные плоды. На пыльных полках аккуратно хранились талоны на бесплатное сукно и дрова, пачки благотворительных квитанций и целая связка писем от англиканского пастора, раввина и православного священника. К посланиям прилагались списки щедрых меценатов и адреса богатейших особняков Парижа. Тут же покоились извещения из префектуры и газетные вырезки о грядущих венчаниях в высшем свете с пометками на полях, где намечались торжества. Это были свидетельства двойной жизни матери, виртуозно доившей город.

Мать оказалась «профессиональной» нищенкой, за которыми в Париже зорко следили. Улицы наводняли переодетые агенты Сюртэ⁷ — они безжалостно отделяли калек от

⁷ Сюртэ (фр. Sûreté — «безопасность») — знаменитая французская уголовная полиция и служба национальной безопасности. Основана в начале XIX века ле-

притворщиков и тунеядцев. Всех, кто мог трудиться, жандармы пачками отправляли за решётку. Но как угадать, в какой именно из тридцати городских тюрем-работен заперта несчастная?

Чувство долга и жалости к той, что когда-то была ей хорошей матерью, заставили Сусанну пуститься на её розыски. Визит к комиссару полиции ничего не дал, он не знал ажана, который арестовал побирушку и не мог сказать, где её содержат.

По подсказке соседей, Сусанна обрыскала почти все «дворы чудес», где под покровом ночи собирались отверженные: у ворот Сен-Дени, в трущобах Фьеф д'Альби и в закоулках квартала Ле-Сантье. Ей пришлось проявить немало терпения и хитрости, чтобы завоевать доверие клошаров, и в конце концов удача улыбнулась ей.

Жан-Жак, молодой бородатый мужчина с пустующим правым рукавом, считавшийся кем-то вроде старейшины в нищем сообществе, пролил свет на судьбу её матери. Он сказал, что женщину недавно выпустили из рабочего дома и она снова в деле — бродит где-то в поисках подаяния.

Жан-Жак объяснил, что её мать «богомолка» — особый разряд нищих, чьё место на церковных ступенях, и присоветовал искать её у стен Нотр-Дам-де-Пари, к исходу первой мессы.

гендарным сыщиком Эженом Франсуа Видоком. Её агенты часто работали под прикрытием, переодеваясь в гражданское платье.

На следующее утро Сусанна поспешила к Собору. Сцена, свидетельницей которой она стала, лишила её дара речи: перед ней разворачивался настоящий фарс.

На Соборной площади прямо перед готическими стенами храма, некая женщина в траурном вдовьем платье с вуалью, внезапно рухнула на мостовую, исторгнув из себя истошный крик. Однако намётанный глаз Сусанны заметил, что упала она слишком картинно, стараясь не ушибиться и не подвернуть ногу. Выходившие из храма дамы и господа тут же бросились на помощь, и общими усилиями «несчастную» удалось привести в чувство.

Женщина, оклемавшись, умоляла найти оброненный кошелек, но во всеобщей сутолоке этого сделать было невозможно. Она причитала, что шла в собор поставить свечку за единственную дочь, похищенную несколько лет назад русским варваром, и теперь у неё не осталось ни сантима на это святое дело. Десятки пар глаз с жалостью и сочувствием смотрели на бедно одетую женщину, и в её ладони устремились франки, экую и даже наполеондоры.

Когда толпа наконец рассеялась, Сусанна подошла ближе и обомлела — актрисой, так искусно лишившейся кошелька, оказалась её мать!

Нельзя было сказать, что та испытала безумный восторг при виде дочери, которую несколько минут назад вдохновенно оплакивала перед прохожими. Но тем не менее, женщина понимала, что кроме Сусанны у неё не было никого на свете,

а случится могло всякое. Вдруг настанет день, когда она не сможет больше разыгрывать спектакли. Дочь была её страховкой, единственным шансом на спокойную старость, и эту связь следовало беречь. Молча, словно и не было долгих лет разлуки, женщины взялись за руки и направились к дому.

По дороге мать рассказала, что после бегства Сусанны она нищенствовала, пропила последнее имущество и не подохла в канаве лишь потому, что её приняли в «братство нищих», невидимую империю отверженных, опутавшую сетями весь Париж. О законах этой клики мать говорила с восхищением. Правила были просты: отдавай треть заработка в общую казну, и тогда в чёрный день тебя накормят, укроют от холода и спрячут от жандармов.

Не без гордости мать хвалилась, что нашла своё призвание в симуляции: от голодных обмороков у дверей булочных до эпилептических припадков, когда обычный обмылок помогал пустить пену у рта. В её арсенале были и куда более тонкие схемы. Поддельное свидетельство о растяжении связок позволяло бесплатно получать в городских больницах эластичные чулки, которые тут же перекочёвывали к старьевщикам. Платили за них весьма недурно. Такой нехитрый промысел приносил около семидесяти франков годового дохода, сопоставимого с пенсией ветерана наполеоновской армии.

Пробыв в Париже месяц, Сусанна понемногу оттаяла. Всё дальше в прошлое отступала память о московских злоклю-

чениях, забывался мучительный позор панели, жестокость Шадрова, потеря дочери.

Невозмутимая размеренность французского уклада успокаивала Сусанну и настраивала на грядущие перемены, время которых уже настало.

Она не могла осесть во Франции. Здесь, в Париже, рынок наслаждений был поделён веками, и ей, дочери нищенки, пришлось бы всегда склонять голову перед могущественными королями притонов, отдавая синдикатам львиную долю дохода. Москва же, с её огромными деньгами и купеческим разгулом, была непаханным полем, сулившим безграничные возможности тому, кто не побоится рискнуть. Она познала изнанку русской души — и это было её самым ценным капиталом.

В Москву Сусанна вернулась не одна. Восемь девушек, все как одна хорошенькие, юные и неопытные, составляли компанию будущей мадам.

Сусанна арендовала просторный дом в Т.....м переулке, и его удачное местоположение наряду с энергичной хваткой молодой хозяйки сыграло видную роль в процветании заведения. Дело пошло.

Сусанна быстро заставила Москву уважать свой норов. Она наняла прислугу, сошлась на короткую ногу с полицией и через уличных сводников пустила по городу слух о заведении, где собраны девицы редкой красоты, готовые исполнять любые капризы гостей.

Очень скоро вертеп облюбовала самая денежная публика. Здесь привечали влюблённые пары, искавшие приюта на ночь, а заезжие богачи нанимали девиц сразу на несколько дней. Самым щедрым клиентам Сусанна открывала двери в любое время, а для постоянных гостей установила особый порядок допущения по предварительному расчёту, требуя крупную плату на год вперёд.

Работали у Сусанки главным образом иностранки, которых она вербовала лично. Это был холодный расчёт: для гостей — экзотика, а для хозяйки — залог абсолютной покорности, ведь одинокая чужестранка в России без защиты мадам была обречена на гибель.

Также сластолюбцев привлекала зеркальная спальня на первом этаже, впоследствии ставшая комнатой Полины. Это были роскошные апартаменты с огромным ложем, утопающим в небесно-голубом шёлке, где каждое движение отражалось в бесконечной анфиладе зеркал.

* * *

Историю мадам Монблан банкир смаковал со злорадством, искренне посмеиваясь над самыми горькими строками. Он откровенно глумился. Кончина маленькой дочурки вызвала у него приступ желчного веселья.

— Поделом тебе, старая шлюха, — ухмыльнулся он. — Кому интересна твоя паршивая жизнь? Гадина...

Зачем она ввязалась в эту пачкотню? Неужто хочет, чтобы её вышвырнули из Москвы? Обер-полицмейстер живо при-

кроет её богадельню, если дело примет огласку. Императору придётся не по вкусу публичный балаган вокруг притона.

— Эх и дура, — Максимов с презрением смял край газетной полосы. — Сидела бы смирно, не высывалась.

Его бесила неуклюжая попытка Сусанны обелить себя. Расчётливая ведьма. Чует, что сыщики наступают на пятки, и стелет соломку, сочувствие выклянчивает — дескать, не судите строго, жизнь заставила, натерпелась всякого.

— Зря я тогда не кончил её вместе с Полькой.

Вслед за воспоминаниями мадам в статье приводились её личные соображения о том, кто скрывается под чёрной маской. Журналист передал её монолог без прикрас и сокращений. Боясь упустить что-то важное или неверно истолковать слово, он стенографировал с ловкостью заправского скорописца.

«Он всегда приходил в маске... Да... Никто, кроме Полины, не видел его лица. Мы снисходительно потакали его причуде — мало ли, каждый имеет право на «пунктик». Мне и в голову не могло прийти, что это... этот зверь намеренно скрывает личину, чтобы безнаказанно истязать моих крошек. А потом он стал убивать... Сначала Любашу, потом Полинку. Она была мне как дочь. Я видела в ней свою безвременно ушедшую малютку. Помню, как в первый раз столкнулась с Полей и обомлела: Господи, да ведь так бы выглядела моя дочка, будь она жива! Часть вины лежит и на мне тоже, и я готова ответить перед Богом и людьми. Умоляю, найдите

этого выроodka! Я не пожалею своих сбережений, только не дайте ему уйти! Он должен заплатить за всё!..»

Далее Сусанна взывала к простым обывателям, заклиная их смотреть в оба и не проморгать зверя, если тот случайно окажется рядом.

«Мне нелегко говорить об этом, но думаю, он из высшего света. И скорее всего не москвич, но из крупного города. Как я это поняла? Он бывает в Москве наездами, это сложно не заметить. Одет по последней моде, изысканно, но без затей. Петербург? Вполне возможно. Я видела точно такой же редингот как у него, на одном из петербургских банкиров, в опере. Мне даже называли тогда его фамилию. И самое важное. У убийцы есть особая примета, — сообщала Сусанна, — он сильно душится одеколоном с нотами фиалки и немного жасмина, знаете, этакий флёр одного известного французского дома моды. Как же его название? Сейчас... вертится на языке... О! Это «Troubadour»! Да, я абсолютно уверена, это — «Troubadour»

Оторвавшись от листа, Максимов похолодел. Его душила бессильная ярость. Эта стервоза его погубит! Французская шваль, возомнившая о себе Бог весть что! Он щедро заткнул ей рот увесистой пачкой купюр, почему она распускает язык!? Он ей устроит «Troubadour»!

Вне себя от бешенства, Алексей Иванович рвал и метал. Схватив с туалетного столика флакон «Troubadour» он наотмашь хватил его об пол. Но тот не разбился. Закалённое си-

нее стекло осталось недвижимо лежать на вощёном паркете. С рычанием Максимов поднял его и отшвырнул в дальний угол комнаты.

А ведь он действительно может попасться на этом. Такие духи покупают во Франции не так много человек, можно сказать единицы. Это дорогой, коллекционный парфюм, в пересчёте на русские деньги — по триста рублей за флакон. А он, как назло, выписал себе из Парижа два пузырька «божественной фиалки»! Нужно немедленно найти и уничтожить квитанцию на парфюм, иначе его вычислят в два счета.

Кляня себя за неосторожность, Максимов дрожащими руками распахнул саквояж и стал рыться в нём, выгребая на свет божий груды ненужного, как ему в тот момент казалось, хлама. Но квитанции не было. Куда она могла запропасться, чёрт бы её побрал! Ведь она, кажется, недавно попадалась ему на глаза... Он теперь в таком волнении, что имя родной матери не вспомнит! А может, он её выбросил? Потерял? Да, точно, кажется, выкинул! Или нет? Ох, пропади она пропадом, чертобесие какое-то! Где она может быть!? Его снедала лютая злоба на Сусанну. Зря она пытается схватить его за жабры — эта игра ей не по зубам. Но ничего, он с этим разберётся.

Душегуб

По дороге в бордель Максимов размышлял о газетной статье. В этой слезливой муре что-то упорно не сходилось, заставляя его нервно сжимать трость.

Во-первых, зачем Сусанка связалась с газетчиками? Почему вдруг старая лиса решила на столь опрометчивый и глупый шаг? Ведь она первой окажется под ударом. Стоит следствию копнуть глубже, и они дознаются до взятки в десять тысяч, которые он сунул ей после убийства Любки. А это — клеймо соучастницы и верный путь на каторгу. В его представлении такие как Монблан — монстры, пожирающие монеты; если денежный поток иссякнет — чудище погибнет, не в силах утолить жажду.

А во-вторых, он даже в мыслях не допускал, что в этой среде могут существовать иные ценности, помимо денег. В его глазах Сусанна была преданным служителем Мамоны, ибо стояла на безбожной стезе — торговала человеческой плотью, не брезгуя набивать кошелек червонцами, добытыми богомерзким способом.

Но он не учёл главного. Убив Полину, он не просто лишил мадам Монблан верного дохода, он задел сокровенные струны её души, где годами таились воспоминания о беспечной юности в Сен-Марсо, о погибшей малютке, о безвозвратно утраченной молодости, и о многом другом, что человек бе-

режно хранит в памяти и чем дорожит больше жизни.

Алексей Иванович проник в бордель под покровом темноты, как вор, крадущийся в ночи. Только он пришёл не за пожитками, а за нечто несоизмеримо ценным — человеческой жизнью.

Он отпер дверь отмычкой. Привратник спал в передней, задавая такого храпака, что вероятно не слышал даже собственных мыслей.

Закрепив за ушами маску и надвинув шляпу ниже, Максимов бесшумно взбежал на второй этаж и с силой рванул дверную ручку Сусанкиной комнаты. От неожиданности он замер на месте.

Сусанна была не одна. Темноволосая нагая девушка с пронизательными карими глазами стояла у кушетки с хлыстом в руках, а хозяйка дома, одурманенная спиртным, возлежала на подушках в одних чулках. Её нагота выглядела отталкивающе. Отяжелевшее тело с бесформенными грудями, вздрагивающими при каждом неровном вздохе, обнаруживало безжалостные следы времени и порока. Затуманенный взгляд блуждал по комнате, не в силах сфокусироваться на чём-то одном дольше секунды. На лице застыло подобие тупой, бессмысленной ухмылки.

«Развлекаются, потаскухи», — усмехнулся Максимов. Он безразлично глядел на живот престарелой жрицы и его нутро наливалось гневом. Выпуклый пупок торчал наружу как пуговица, невольно приковывая взгляд. Он смотрел на Сусанку

так, как смотрят на выброшенную прибоем тушу огромного млекопитающего.

При виде возникшего в дверях Алексея Ивановича Монблан проворно вскочила с кушетки и, нелепо ойкнув, отбежала к портьерам, спрятавшись за одной из них и высунув наружу испуганное лицо. В отличие от неё, девушка не шелохнулась, встречая взгляд вошедшего с вызывающим спокойствием. «Смелая», — подумал Максимов.

— Что уставилась? — бросил он, резким движением захлопывая за собой дверь. — Беги тоже...

— Вот ещё, — девушка презрительно глядела на Алексея Ивановича, ни на йоту не сдвигаясь с места. — Стану я бояться тебя, упыря. Коли убивать пришёл — давай. Только маску сними. Если не трус.

Максимов подошёл вплотную, изучая её лицо. Нелли, — а это была она, — спокойно и бесстрастно выдержала его взгляд.

— Ну, чего вылупился? — с вызовом повторила она. — Маску, говорю, сними. Всё равно ж убьёшь. Дай хоть посмотреть на тебя, выродка.

За портьерами послышался испуганный всхлип. Максимов обернулся, брезгливо цыкнул и вновь перевёл внимание на девушку:

— Снять, говоришь?.. Что ж... Можно.

Он стянул перчатки, отбросил на кушетку шляпу, и не торопясь стащил с лица маску.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.